

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет
историко-филологический

Кафедра
«Русский язык и методика преподавания
русского языка»

Направление подготовки (специальность)

44.03.01 Педагогическое образование

Профиль

«Русский язык»

Форма обучения – заочная

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

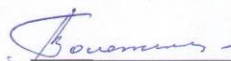
«Особенности функционирования вводных конструкций
в поэме Н. В. Гоголя "Мёртвые души"»

Студент

(подпись, дата)

Кликушин Сергей Сергеевич
(ФИО полностью)

Руководитель

(подпись, дата)

Болотская М. П.
(фамилия, инициалы)

Нормоконтролёр

(подпись, дата)

Луннова М. Г.
(фамилия, инициалы)

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от 8 июня 2020 № 14)

Заведующий кафедрой

(подпись)

Канакина Г. И.
(фамилия, инициалы)

Работа защищена с отметкой отлично (протокол заседания ГЭК от 26 июня 2020 № 7)

Секретарь ГЭК

(подпись)

Алешина И. А.
(фамилия, инициалы)

Пенза 2020 г.

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Педагогический институт имени В.Г. Белинского

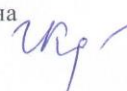
Историко-филологический факультет

Кафедра «Русский язык и методика
преподавания русского языка»

Направление подготовки (специальность):
44.03.01. Педагогическое образование

Профиль: «Русский язык»

УТВЕРЖДАЮ:
Зав. кафедрой Г. И. Канакина
«09» сентября 2019 г.

**ЗАДАНИЕ
ПО БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЕ**

Кликушина Сергея Сергеевича

(Фамилия, имя, отчество)

1. Тема бакалаврской работы: Особенности функционирования
вводных конструкций в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души»

2. Руководитель: Болотская Маргарита Павловна, к. п. н., доцент

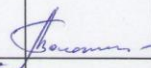
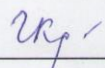
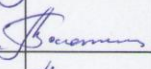
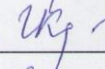
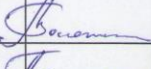
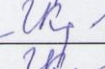
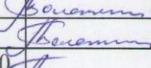
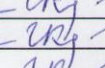
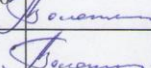
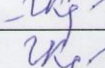
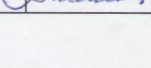
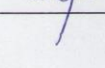
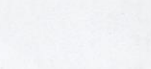
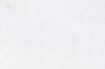
(ФИО, учёная степень, учёное звание)

3. Срок сдачи студентом законченной работы: «15» июня 2020 г.

4. Перечень подлежащих разработке вопросов:

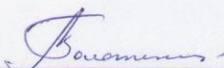
- 1) рассмотреть теоретические аспекты изучения категории вводности в отечественной науке (понятие, синтаксический статус, грамматическая природа вводных конструкций);
- 2) представить классификации вводных конструкций;
- 3) охарактеризовать связь вводных конструкций с индивидуальным стилем автора;
- 4) выделить и проанализировать вводные конструкции, функционирующие в тексте поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»;
- 5) рассмотреть особенности употребления вводных конструкций в тексте поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»;
- 6) разработать систему заданий по теме «Предложения с вводными конструкциями» на основе материала поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души».

5. График выполнения бакалаврской работы

№ п/п	Вид деятельности	Сроки выполнения	Подпись научн. рук.	Подпись зав. кафедрой
1	Оформление заявления на написание бакалаврской работы; составление плана бакалаврской работы; подборка библиографического списка по теме бакалаврской работы (не менее 25 источников)	09.09.2019-27.09.2019		
2	Сдача на проверку 1 главы бакалаврской работы	17.03.2020		
3	Сдача на проверку 2 главы бакалаврской работы	15.05.2020		
5	Прохождение предзащиты	30.05.2020		
6	Получение допуска к защите	08.06.2020		
7	Проверка ВКР на плагиат	08-09.06.2020		
8	Представление завершенной работы	15.06.2020		

6. Дата выдачи задания «09» сентября 2019 г.

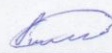
Руководитель

(подпись)

Болотская М. П.

(ФИО)

Задание принял к исполнению студент

(подпись)

Кликушин С. С.

(ФИО)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	7
1.1. Грамматический статус вводных конструкций в русском языке. Вопрос о грамматической природе вводных компонентов.....	7
1.2. Классификация вводных компонентов.....	21
1.3. Вводные компоненты и индивидуальный стиль автора.....	28
Выводы по первой главе.....	34
ГЛАВА II. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЕКСТЕ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ».....	37
2.1. Вводные конструкции, выражающие оценку степени достоверности / недостоверности сообщаемого.....	38
2.2. Вводные конструкции с указанием на источник сообщения.....	52
2.3. Вводные конструкции, указывающие на эмоциональную оценку сообщения.....	55
2.4. Вводные конструкции со значением установления контакта.....	61
2.5. Метатекстовые вводные конструкции.....	65
Выводы по второй главе.....	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	77
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	81
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Система упражнений по теме «Вводные конструкции в тексте поэмы Н. В. Гоголя “Мёртвые души”».....	85
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Контексты из произведения Н. В. Гоголя «Мёртвые души», содержащие вводные конструкции.....	90

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении длительного времени в лингвистике формировались, рассматривались, обсуждались, различные позиции относительно изучения вводных конструкций. Так, ученые определяли явление вводности в качестве средства выражения модальности (В. В. Виноградов, В. З. Панфилов, А. А. Корнилов), и при этом анализировали модальную характеристику вводных единиц (И. В. Столярова, А. И. Останин, Е. С. Яковлева, Е. И. Беляева), обращались к изучению их семантических особенностей и грамматических свойств (Л. И. Василенко, А. И. Аникин, П. А. Лекант, А. И. Студнева), рассматривали вводные слова и словосочетания с точки зрения их функционирования в тексте и в предложениях различного вида (И. М. Кобозева, В. В. Амосова, А. М. Баранов, Л. В. Анисимова, Г. А. Золотова), определяли, как в высказывании осуществляется связь с теми или иными вводными элементами (И. И. Мещанинов, А. М. Пешковский, А. Г. Руднев, А. А. Шахматов, А. И. Аникин), обращали внимание на особенности их интонации (З. М. Базарбаева, Р. М. Романова), занимались углубленным изучением историко-диахронного аспекта категории вводности (В. А. Глухова). Но так или иначе всё ещё остаются нерешёнными вопросы о синтаксическом статусе, семантических особенностях, объёме, потенциях к актуализации и, следовательно, о роли и функциях вводных конструкций. Кроме того, в достаточной мере не определена специфика их употребления в текстах художественного стиля.

Художественное пространство произведения, то есть совокупность тех его свойств, которые придают ему внутреннее единство и завершенность и наделяют его характером эстетического, формируется за счет обширной системы языковых средств лексического пласта, содержательных элементов, а также и соответствующих грамматических конструкций. Грамматика весьма длительное время изучалась исключительно с инструментальных позиций, те или иные её средства не рассматривались как равноправные в

языковой выразительности художественного текста. В конце XX века, с образованием новых научных дисциплин (лингвопрагматики, лингвостилистики), появлением новых направлений и подходов (функционального, коммуникативно-прагматического, антропоцентрического), возникновением новых понятий (идиостиль, языковая картина мира) связана актуализация изучения синтаксических средств.

По мнению многих исследователей, важнейшей особенностью художественного текста является использование в нём вводных конструкций как средства субъективации, участвующего в построении многоуровневого художественного пространства, как индивидуально-авторского инструмента его формирования, как средства «диалогизованности» текста, его полифоничности, как способа адресации, употребление их в роли модального оператора раскрытия сложной образной организации, как реализацию коммуникативно-прагматической установки воздействия на читателя.

Актуальность выбранной темы данной выпускной квалификационной работы связана, во-первых, с тем, что лингвистическая сущность вводности еще недостаточно определена, и требуется рассмотреть принципы, подходы в изучении средств её выражения; во-вторых, определяется неисчерпаемостью духовного наследия Н. В. Гоголя. Классическое произведение «Мёртвые души» неоднократно становилось объектом изучения лингвистов, литературоведов: в частности, рассматривались система персонажей, те или иные концепты, хронотопы, пространства, содержательные и лексико-семантические особенности, синтаксический строй, относительно немного исследований описывали специфику грамматических средств. И несмотря на то что вводные конструкции уже долгое время являются предметом пристального внимания (в том числе и в произведениях различных писателей), подробный анализ их функционирования и характер употребления в тексте поэмы Гоголя «Мёртвые души» проведён не был, хотя данное исследование и необходимо для более глубокого понимания

своеобразия стиля Н. В. Гоголя и особенностей его реализации в ключевых произведениях писателя.

Объектом исследования являются вводные конструкции в русском языке.

Предмет исследования – функционирование вводных конструкций в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души».

Цель выпускной квалификационной работы состоит в анализе функционирования вводных конструкций в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души».

Для реализации цели исследования ставятся следующие **задачи**:

1. Рассмотреть теоретические аспекты изучения категории вводности в отечественной науке (понятие, синтаксический статус, грамматическая природа вводных конструкций).

2. Исследовать классификации вводных конструкций.

3. Охарактеризовать связь вводных конструкций с индивидуальным стилем автора.

4. Рассмотреть особенности употребления вводных конструкций в тексте поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души».

5. Представить количественную характеристику вводных конструкций в тексте поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души».

6. Разработать систему заданий по теме «Вводные конструкции в русском языке» на основе материала поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души».

Для достижения поставленной цели и задач данной выпускной квалификационной работы были использованы следующие **методы** исследования: анализ научной и учебно-методической литературы, метод сплошной выборки, метод наблюдения над языковым материалом, статистический метод.

В ходе исследования было проанализировано 650 словоупотреблений вводных конструкций.

Практическая значимость результатов исследования состоит в определении специфики функционирования вводных конструкций, используемых в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души», что может послужить материалом в практике преподавания русского языка при изучении синтаксиса в школе, а также при проведении внеклассных занятий и факультативов для углубленного исследования творчества писателя.

Структура исследования подчинена логике поставленной цели и задачам данной выпускной квалификационной работы. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Грамматический статус вводных конструкций в русском языке. Вопрос о грамматической природе вводных компонентов

В науке явление вводности имеет весьма длительную историю исследований. Однако вне зависимости от уровня разработанности данной сферы, интерпретация, а также методика описания данного явления в лингвистике все еще неоднородна и представлена разнообразными подходами: «лингвистическая сущность, природа вводности ещё не определена с должной глубиной и всесторонностью» [Лекант 1998: 65].

Так как вопрос о статусе, границах и составе вводных конструкций, трактовка понятия вводности составляют суть одной из актуальных лингвистических проблем, логичным будет установить характер данного явления, рассмотрев различные на него взгляды отечественных ученых.

Размытые, несформированные упоминания явления вводности встречаются в XIX веке в грамматиках М. В. Ломоносова, Н. И. Греча, А. Х. Востокова. Первая попытка классификации вводных слов была предпринята А. А. Потебнёй, посредством определения этимологии слов с компонентом вводности. Также, согласно ему, существуют вводные предложения, а также вводные слова, которые являются остатками первых [цит. по Руднев: 173]. Аналогичных взглядов придерживался Д. Н. Овсяннико-Куликовский, рассматривая вводные слова как неоконченное либо сокращенное предложение [Там же: 175]. Данная позиция частично отражена и в работах более позднего времени.

Так, академик А. А. Шахматов, говоря о происхождении вводных слов, считал таковыми только «редуцированные по смыслу предложения, которые восходят к действительным, настоящим предложениям». Также, по его мнению, это слова, которые по своей природе не могут быть определены в качестве главных или второстепенных членов, а значит, стоящие вне

предложения. Однако являясь «вдвинутоуыми», «вставленными» в него, тем или иным образом они приносят дополнительное определенное значение, преимущественно в сказуемое. [Шахматов 2001: 256]. Таким образом, он сужает объём понятия вводности.

А. М. Пешковский выделял вводные слова и словосочетания, образованные, по его мнению, от определённых предложений (под которыми он понимал конструкции, помещенные в середину других предложений и не связанных с ними синтаксической связью) и определял их единицами, «внутренне чуждыми приютившему их предложению, подобно пуле, попавшей в организм». В итоге данные вводные выражения могут утрачивать первоначальное значение и указывать на «отношение говорящего к той или иной (своей или чужой) мысли» [Пешковский 2001: 403, 411].

Под другим углом смотрит на категорию вводности В. В. Виноградов, связывая данное явление с понятием модальности. В своих работах он использует термин «модальные/ вводно-модальные слова». Он выделяет модальные частицы, модальные слова и модальные словосочетания, но не решается провести между ними границу, так как, по его мнению, «сделать это часто бывает затруднительно». Определяя значение выделенных единиц, учёный говорит о подчёркивании ими экспрессивности отдельных слов и об определении точки зрения говорящего и его отношения к сообщаемому: «модальные краски и оттенки введением вводных синтагм образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [Виноградов 1975: 75].

«Русская грамматика-80» приравнивает понятия вводности и модальности, называет обширную группу лексико-синтаксических единиц, которая довольно легко пополняется и состоит из слов, словоформ, устойчивых сочетаний с общим значением выражения отношения к сообщаемому или указанием на его характеристику [Русская грамматика 1980: 229].

По определению Е. С. Скобликовой, вводные конструкции – «несколько функционально-семантических разрядов слов и словосочетаний, которые выражают модальную, логическую или эмоциональную оценку содержания предложения, а также выполняют контактоустанавливающую функцию» [Скобликова 2018: 276].

Определяя значение вводных слов, словосочетаний и предложений, Н. С. Валгина в качестве ведущего определяет «значение модальной, эмоциональной, экспрессивной оценочности», в которое может входить, например, выражение отношения говорящего к высказыванию, общая оценка сообщения, указание на его источник, контекст [Валгина 2003: 247].

Термин «метатекстовые элементы», введённый А. Вежбицкой и означающий такие элементы, которые погружены в основной текст для его структурной и коммуникативной организации [Вежбицкая 1978: 419], неоднократно применялся в ряде лингвистических исследований по отношению к понятию вводности. Так, например, А. М. Ломов говорит о «вводных конструкциях, содержащих метатекстовые комментарии говорящего к собственному высказыванию» [Ломов 2004: 36]. Г. И. Куцова в своих работах по изучению метатекстовых конструкций даёт им расшифровку: «в русской грамматической традиции – вводные», и рассматривает их как особый тип употребления разных лексико-грамматических, стоящих «как бы над содержанием основного сообщения» и выражающих «его модальные характеристики (степень достоверности), эмоциональную оценку события говорящим, источник информации, порядок и особенности построения текста и изложения мыслей» и т. п. [Куцова 2005: 137].

В учебнике под редакцией С. В. Вяткиной «Синтаксис современного русского языка» вводные конструкции рассматриваются как элементы, осложняющие предложение отношениями субъективной модальности. Авторы говорят также, что данные конструкции – не выступают в роли членов предложения: *Дело наше, конечно, не закончено (И. Бунин); Наш*

новый врач, как известно, невролог, не хирург (Е. Шварц) [Синтаксис современного русского языка 2009: 167].

Обзор школьных учебников показал относительное единообразие в определениях: посредством вводных слов выражается отношение к тому, что высказал (написал) говорящий (пишущий); вводные слова помогают говорящему в момент речи выразить своё отношение к тому, что он произносит; помимо указания на то, что вводные слова выражают отношение говорящего к высказыванию, уточняется это отношение (уверенность, возможность, неуверенность); рассматриваются не только слова, но и сочетания слов и указывается, что с их помощью выражается отношение к высказываемому; слова или словосочетания, посредством которых выражается отношение говорящего к сообщаемому, а также соблюдается последовательность в этом сообщении или приводится указание на его источник.

Среди учёных также наблюдается различная трактовка вопроса касемо наличия связи между вводными компонентами и остальными членами предложения. Так, в классическом языкознании говорится об изолированности вводных конструкций от предложения, о невозможности включения их в его грамматический строй. А. М. Пешковский, в частности, пишет следующее: вводные слова и словосочетания по отношению к высказываемой мысли не являются её частью, потому что когда-то принадлежали другой мысли; возникают вводные слова и словосочетания из вводных предложений, посредством недоговаривания последних; вводное предложение, в свою очередь, это такое предложение, которое расположено (вставлено) в той или иной части другого предложения, и при этом такая их общая позиция характеризуется отсутствием между ними грамматической связи; в итоге, образующиеся таким образом вводные выражения, в зависимости от их длины и частоты употребления, изменяют свою семантику: «видите ли, когда нечего видеть, одним словом, когда

употребляется очень много слов, слава богу, ради бога, бог знает, чёрт возьми в устах человека неверующего» [Пешковский 2001: 410].

А. Н. Гвоздев в работах, посвящённых категории вводности, указывает на неконтактную, не предусматривающую синтаксической связи позицию вводных конструкций относительно других слов в структуре предложения. Данная особая их позиция подкрепляется интонацией: «в состав предложения входит нечто инородное, прерывающее обычное интонационное объединение слов в предложении» [Гвоздев 1973: 192]. Позиционные особенности вводных конструкций, по которым устанавливается их принадлежность либо ко всему предложению, либо отдельным его членам, Гвоздевым характеризуется с точки зрения формального подхода к синтаксису, в котором не учитывается актуальное членения высказывания.

Мнение теоретиков-классиков о синтаксической независимости вводных конструкций прочно закреплено в отечественной науке. Данного взгляда, вслед за Пешковским, Шахматовым, Гвоздевым, придерживаются, например, А. Б. Шапиро, Д. Э Розенталь, В. А. Белошапкова и др.

Тем не менее некоторые учёные и исследователи отмечали особый характер связи вводных компонентов и предложения. Основной стала идея о наличии связи между вводными конструкциями и остальным основным составом предложения. Вводные компоненты в ряде работ стали позиционироваться в статусе «членов предложения».

О «вводных членах предложения» говорит И. И. Мещанинов: «такие обособленные вводные члены предложения не изменяют основных отношений между другими членами предложения, а если и связываются с ними, то только семантически, а не синтаксически» [Мещанинов 1978: 215]. Как «особые члены предложения» определял вводные конструкции А. Г. Руднев: они вступают «в семантические и грамматические отношения с предложением в целом или отдельной его частью» и сохраняют при этом «свойства отдельного члена предложения». Связь их с предложением, связь

между определяемыми и определяющими членами он называет «соотношением»: это такая «смысловая связь, которая грамматически выражается фактом включения в состав предложения и соседством определяющих слов с определяемым членом предложения» [Руднев 1968: 204]. Идею связи вводных слов с предложением отстаивал и А. М. Мухин, различавший вводное слово, относящееся к отдельному члену предложения с субординативной связью и относящееся ко всему предложению в целом с интродуктивной связью [Мухин 1968: 87-89]. А. И. Аникин сближает эту связь с примыканием [Аникин 1960: 22-27]. Д. И. Ганич отмечает, что грамматическая связь вводных компонентов с предложением существует (при этом он исходит из того, что, где есть смысловые связи, там есть и грамматические связи), что она выражается в интонации и в порядке слов, но дать свое определение этой связи он не решается [Ганич 1957: 12].

Мы полагаем, что рассмотрение вводных компонентов с точек зрения «интродуктивной синтаксической связи», «соотношения» с составом высказывания является недостаточно глубоким, так как оставляет вне поля зрения те структуры, в которых вводные компоненты выполняют свою синтаксическую функцию, иначе говоря, не раскрывает сущности вводности.

В современном языкознании наибольшее распространение имеет такая концепция вводности, которая указывает на формальные свойства вводных конструкций и утверждает позицию синтаксической их изолированности от главных и второстепенных членов предложения. По наблюдениям М. В. Ляпон, «синтаксическое существо категории вводности – формальная автономность вводного компонента независимо от его структурной сложности» [Ляпон 1986: 198]. Вводные компоненты не изменяют общей структурно-семантической схемы предложения, однако обогащают ее разнообразными субъективно-модальными смыслами, в «логико-семантической структуре высказывания они выполняют роль предиката пропозиционального отношения, аргументом которого служит некоторая

пропозиция событийного или оценочного характера [Теория функциональной грамматики 1990: 159].

А. Ф. Прияткина, рассматривая характер осложненного предложения в синтаксической теории, отмечает, что в некоторых грамматиках предложения с вводными конструкциями называют осложнёнными: «традиция, следуя которой эти категории относят к осложнению, связана с пунктуационной практикой и во многом объясняется учебными задачами». Вместе с тем многие авторы при описании данного явления не пользуются понятием «осложнённое предложение», что объясняется «разнохарактерностью тех синтаксических явлений, которые практически подводятся под понятие осложнение». Таким образом, с точки зрения синтаксической теории вопрос об их причастности к осложнению не решается однозначно [Прияткина 1990: 6-8].

Так, например, Е. С. Скобликова рассматривает вводные конструкции отдельно от обособленных и однородных членов предложения, вне разряда осложнения [Скобликова 2018: 215]. Считать вводные слова одним из видов осложнения нет достаточных оснований. Они функционируют как в осложнённом, так и в неосложнённом простом предложении, создавая его особый синтаксический план. Конечно, вводные конструкции вносят в предложение дополнительные смыслы, но они иного порядка, чем те значения, которые создаются осложняющими членами предложения. Такие слова нельзя включить в ряд осложняющих членов хотя бы потому, что они не являются членами предложения. Они выполняют организующую функцию, определяя позицию говорящего субъекта. В осложнённом предложении они одновременно играют важную строевую роль, участвуя в выражении отношений между частями предложения, и тем объединяются с его служебными элементами. Таким образом, было бы справедливым считать вводные единицы не осложняющими, а специальными авторскими вводными компонентами структуры предложения.

Таким образом, «инородность» вводных конструкций связана исключительно с занимаемой изолированной позицией, той или иной степенью интонационного, либо грамматического выделения в структуре предложения; В смысловом же отношении они тесно и непосредственно связаны с его содержанием.

Изолированность вводных конструкций с одной стороны и их способность занимать свободную позицию – соотноситься либо со всем предложением целиком, либо с теми или иными отдельными частями, членами предложения с другой связывается с актуальным членением: вводные конструкции относятся обычно к элементу предложения, выполняющему при актуальном членении роль ремы. Однако они не являются её частью, а выступают как самостоятельный элемент тематическо-рематической структуры, как её актуализатор.

С актуальным членением связывается трактовка вводных конструкций как собственно коммуникативных синтаксических средств и рассмотрение роли вводности в оформлении высказывания в речи. Так, ещё В. В. Виноградов, говоря о категории вводности, указывал на её коммуникативную значимость и называл общую для всех вводных конструкций установку – воздействие на адресата; ему же принадлежит идея «диалогичности» вводных слов: «многие выражения... носят ярко выраженный отпечаток диалогической речи. Они вовлекают то лицо, к которому обращена речь, в круг желательных или нужных говорящему модальных оценок и квалификаций высказывания» [Виноградов 1975: 7]. При этом лишь относительно недавно сформировался коммуникативно-прагматический подход, который основывается на традиционном системно-структурном, но раскрывающий при этом языковые возможности при создании и отправке коммуникативно-значимых смыслов. Актуальным становится понятие субъекта речи, а также определяемого и фиксируемого этим субъектом так называемого коммуникативно-прагматического пространства – «обширной зоны, где язык фиксирует многообразные

отношения говорящего к действительности и где пользующийся языком в процессе коммуникативной деятельности а) называет, б) указывает, в) выражает эти отношения, а адресат воспринимает и истолковывает эти смыслы». [Формановская 1998: 9]. Таким образом, возник новый этап, возобновивший изучение явления вводности в языке, и в котором она стала рассматриваться как коммуникативно-прагматическая категория, учитывающая позиции взаимодействующих друг с другом говорящего (его стремление быть правильно понятым и оказать воздействие) и адресата (степень его восприятия и речевое поведение). «Вводность является неперенным условием реализации предложения в речи, наряду с коммуникативной перспективой высказывания. Высказывание не может быть оформлено в речи без оценки его достоверности, авторизованности, обобщительности, адресованности и пр. Источником оценки является лицо говорящее» [Лекант 1998: 127]. Следовательно, вводные конструкции тем самым рассматриваются не в предложении, а являются единицами высказывания, элементами его коммуникативной структуры и отражают текущее конкретное отношение субъекта к действительности, к реальному или предполагаемому адресату с учётом содержания и условий речевой ситуации; образуя смысловой план высказывания, вводные конструкции занимают в нём подчинённую рематическую позицию, то есть актуализирующую её.

Коммуникативно-прагматический подход глубже раскрывает сущность вводных конструкций в контексте устанавливаемых с их участием коммуникативных и межличностных отношений и контактов, эксплицирует позиции говорящего и слушающего на оси коммуникации «Я-Ты»; предоставляет возможность «сосредоточив внимание на связи вводных компонентов с адресатом и адресантом, с речевой ситуацией, выбором и контекстом употребления, раскрыть действенное практическое назначение вводных компонентов, их интенциональную обусловленность и роль в оптимизации речевого общения» [Алёшина 2008: 7].

В современной лингвистике существует идея соединения в высказывании объективного и субъективного начал – диктума и модуса, определяющая природу смысловой организации высказывания. Проблема модуса выделилась из общей проблемы модальности как особый, внешнесинтаксический, аспект модальности. Диктум отражает факты, реальные события, объективное положение вещей, модус – это вербализованная субъективная интерпретация диктумного события. Вводные конструкции являются основным способом выражения модуса и, тем самым, средством выражения авторства, при помощи которых говорящий выражает свою точку зрения, заявляет своё я в высказывании.

В данной работе мы используем термин «вводные конструкции» и, как синонимичные, – «вводные компоненты». На наш взгляд, данные наименования являются наиболее точными, их использование обусловлено, во-первых, необходимостью подчеркнуть определённую их синтаксическую общность, связанную с выполнением ими одинаковых функций; во-вторых – возможность разного объёма категории вводности.

Таким образом, вводные конструкции включают в себя вводные слова (*верно, бесспорно, впрочем, значит* и др.), словосочетания (*по всей вероятности, к его прискорбию, по мнению исследователей* и др.), предложения (*как мы считаем, как указывают, как нам видится* и др.). Все они, как уже отмечалось, не имеют существенных отличий, то есть, например, вводные предложения такой же элемент относительно основной предикативной части, как и вводные слова и словосочетания, – добавочный, оформляющий, выражающий отношение.

Так, в «Русской грамматике-80», вводные предикативные единицы функционально соотнесены с вводными словами и сочетанием слов, и, естественно, указывается, что отличие состоит лишь в их форме, по которой они представляются как в той или иной степени законченные единицы сообщения, – словом, структурно имеющие вид какого-либо простого предложения; при этом отмечается, что распространённость для них

малохарактерна. Авторы также говорят об общей для всех грамматических организаций функции у вводных конструкций – «они всегда характеризуют сообщаемое с позиции говорящего, выражают его отношение к сообщаемому», что объединяет их и противопоставляет другим классам слов, а также сближает, по их словам, с модальными частицами [Русская грамматика 1980: 229-230].

Далее логичным будет остановиться на лексико-семантических и морфолого-синтаксических особенностях вводных конструкций. Так, А. Б. Шапиро, рассматривая их морфологическую сущность, отмечал, что, в целом выступая как сопутствующие высказывания относительно содержания основного предложения, – в его составе они «представляют собой бывшие формы изменяемых частей речи, утратившие свою морфологическую членимость и синтаксические функции, но с легко вскрываемой этимологией» [Шапиро 1955: 292, 296].

База вводных конструкций, по словам А. И. Аникина, это по большей части устойчивая, лексически ограниченная константа, семантика которой (входящих в неё слов) при той или иной степени трансформации «включается в систему значений, выражаемых вводными конструкциями» [Аникин 1960: 95]. Вводные конструкции обладают преимущественностью синтаксической категориальности над «индивидуальным словесным значением, свойственным омонимичным полнозначным словам», и одним из условий перехода последних в разряд вводных, таким образом, становится «утрата знаменательными частями речи категориального значения своего класса в результате развития в них значения модальной релятивности» [Миронова 1975: 419].

Данный процесс протекает медленно, осуществляется постепенно, что в некоторых случаях вызывает трудности в определении некоторых структур как вводных. Так, Д. И. Ганич считает, что «степень потери вещественного значения во вводном слове зависит от степени его грамматикализации, от степени развития обобщенных абстрактных значений». Например, глагол, в

смысловом отношении, обладает более широкой структурой, чем существительное, система его значений более подвижная. Это же можно сказать и о наречиях, значение которых является ещё более гибким. Поэтому естественно, что «в роли вводных слов чаще всего употребляются слова наречного и глагольного происхождения». Существительные представлены лишь обозначающими отвлечённые понятия [Ганич 1957: 189-190].

При отсутствии среди вводных конструкций единиц с конкретно-предметной семантикой, в их состав входят слова различных частей речи со значением «оценки, восприятия, речи, мысли, интеллектуальных, эмоциональных, узуальных, волевых состояний, разнообразных отношений, связей и зависимостей, качественности, количественности, меры или степени». Внутренняя грамматическая оформленность отмечается разнообразием: субстантивы и замещающие их местоимения в разных падежах, глагольные формы, наречно-предикативные обороты, а также различные фразеологические образования. При нахождении их внутри вводных конструкций, связь с семантикой и формой соответствующих знаменательных слов в одних случаях может быть эксплицированной, а в других – как, например, у фразеологизированных (*само собой, неровен час, по крайней мере* и т.д.), а также некоторых единиц типа *конечно, во-первых, например, итак* – ослаблена или стёрта. При наличии этих связей, однако, вводные конструкции обособлены от формообразовательной парадигмы последних, что хорошо прослеживается, например, у предложно-падежных форм: *без сомнения, по факту, к прискорбию, кроме того, по словам*, и у содержащих деепричастие или инфинитив: *сказать по совести, говоря по правде, честно признаться, по сути говоря, лучше сказать*.

Как пишет С. В. Вяткина, разная синтаксическая оформленность: вводные слова, словоформы и словосочетания, предложения – тем не менее характеризуется типизированностью выражения, различные способы которого это своего рода застывшие формулы (проявляющиеся, к примеру, в виде употребления определённых грамматических словоклассов, в виде

ограниченности лексического распространения). Говоря о вводных предложениях, она также отмечает, что они – как и вводные слова – могут включаться союзами (как, если и др.), но что не делает их придаточной предикативной частью при главной, по причине отсутствия тех значений, какими отличаются последние: *Завтра еду в Петербург увидеться с дражайшими родителями, как говорится, и устроить свои денежные дела* (А. С. Пушкин) [Вяткина 2009: 168].

По соотнесению с частями речи, вовлечённых в процесс перехода, Н. В. Патроева выделяет следующие основные группы вводных слов:

1) Различные предложные и беспредложные словоформы существительного: *к слову, к несчастью, по счастью, право, правда, в самом деле, на беду* и др.

2) Слова наречного характера: *по-видимому, верно, как известно, лучше, видимо, безусловно, бесспорно, проще, напротив, поистине, на беду* и др.

3) Глагольные формы:

а) личного вида – *думаю, видишь(те), послушай(те), вообрази(те), поверь(те), представь(те), помилуй(те), сказывают, пожалуй, говорят* и др.;

б) инфинитивные – *видать, знать, признаться, сказать* и др.;

в) в безличном употреблении – *казалось, бывало, думается, как говорится, случается* и др.

4) Дейктивы: *по мне, кроме того, меж тем, между прочим* и др.

5) Соотносимые с союзами единицы: *однако, следовательно* и др. [Патроева 2002: 177-180].

По характеру «стержневого» слова выделяются две основные группы:

1) именные: *к счастью, к моему разочарованию, на их беду, по крайней мере, к нашему стыду, по моему предположению, одним словом, по его мнению* и др.

2) глагольные: *может быть, сказать по чести, так сказать, мягко сказать, признаться честно, извольте послушать* и др. [Там же: 180]

Специфику вносимых вводными конструкциями значений можно рассмотреть при сопоставлении их с соответствующими омонимичными словами, выступающими в роли членов предложения или в роли союзов: *однако* может быть вводным, а также союзом; в первом случае его значение – подчеркнуто выраженное противопоставление ранее изложенной информации, во втором – оно связывает предложения, их части, а также однородные члены. Ср.: «Будем, **однако**, справедливы, постараемся войти в их положение и, *может быть*, станем судить о них гораздо снисходительнее (А. Пушкин)». – «Тебе, кажется, нравится более благовещение, **однако** же Елисей смешнее, следственно полезно для здоровья» (А. Пушкин). *Наконец* может быть вводным или же наречным обстоятельством со значением итоговости; условием для первого варианта является нахождение его в перечислительном ряду: «Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; **наконец**, приметя, что Швабрин ослабеваает, я стал с живостью на него наступать и загнал его почти в самую реку» (А. Пушкин). – «Я **наконец** нашел на его горячие следы, и он от нас не увернется» (А. Пушкин).

Итак, вводные конструкции, объединяя в себе – относительно их объёма – таковые слова, словосочетания и предложения, вместе с тем характеризуются общей функцией выражения отношения к передаваемой информации, её характеристики. Семантически, элементам вводных конструкций свойственно изменение, ослабление или утрата первоначального значения. С позиции грамматической оформленности, они представлены формами различных частей речи, утративших при этом своё морфологическое категориальное значение, а также оставшихся «вне» своих типичных синтаксических функций.

1.2. Классификация вводных компонентов

Публикации на тему семантической дифференциации вводных компонентов в научной литературе характеризуются отсутствием четко установленной и единой позиции среди ученых: «Традиционно различается несколько групп вводных слов и словосочетаний по значению и функции в высказывании, однако ни названия, ни состав этих групп не являются полностью устоявшимися» [Кустова 2005: 136].

Первой наиболее подробной классификацией модальных компонентов в зависимости от их функций в предложении можно считать классификацию, предложенную В. В. Виноградовым, который делит модальные слова на 12 разрядов: модальные слова с предлогом по и без него, содержащие оценку субъектом чужой речи при её передаче: *по мнению, по словам, по преданию, по слухам, говорят, как говорится*; модальные слова, содержащие оценку самого стиля, способа выражения: *буквально, так сказать, коротко говоря, собственно говоря, вообще говоря, то есть, иначе говоря, словом*; модальные слова, подчеркивающие экспрессивные оттенки выражений и обозначающие характер речевой экспрессии или эмоционального тона высказывания: *шутка сказать, не в обиду будь сказано, признаться сказать*; модальные слова, в которых заключается эмоционально-волевое отношение говорящего к предмету сообщения: *к сожалению, к счастью, к несчастью, право, знать, пожалуй, авось, верно, чай*; модальные слова, в противоположность предыдущим, освещающих логичность оценки достоверности сообщения: *вероятно, понятно, несомненно, безусловно, очевидно, видимо, разумеется, действительно, может быть, в самом деле, подлинно*; модальные слова, указывающие на отношение содержания какого-либо отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказывания: *значит, стало быть, кстати, мало того, помимо того, в частности, например, главное, в конце концов; порядок движения мысли: во-первых, во-вторых*; модальные слова, обозначающие субъективную внезапность припоминания, ассоциацию: *кстати, к тому же, одно к другому, заодно*; модальные слова-сравнения:

словно, как бы, точно; призыв к собеседнику, привлечение внимание к какому-либо факту, а также стремлении вызвать определённое отношение к сообщению: видишь ли, знаете, извините; субъективная оценка меры, числа, степени чего-либо: самое больше, самое меньшее, по крайней мере, едва ли; переходные или гибридные типы – слова и выражения, близкие к междометиям: слава богу, чёрт возьми, шут знает [Виноградов 1975: 135].

Можно сказать, что последующие за этой классификации многих других отечественных лингвистов в своей основе содержали принцип дифференциации, предложенный Виноградовым.

В «Русской грамматике» (1980) классификация вводных конструкций сжимается и представлена семью группами с ориентировкой на их субъектно-модальное значение [Русская грамматика 1980: 230, 231]:

1. *Повторяю, подчеркиваю, что еще существеннее, что важно, что хорошо, что еще лучше, вообразите, поверите ли, можете себе вообразить, повторяю, подчеркиваю* – необходимость в фокусировке внимание собеседника на следующем высказывании (расстановка акцентов, выделительное или усиленное подчёркивание).

Но при этом также указывается, что в данную группу входят компоненты, которые могут по причине ослабления семантики функционировать как своеобразные «слова-вставки», не несущие таким образом в себе никакой синтаксической функции. Их употребление в свидетельствует об испытываемом в момент речи затруднении в подборе выражения: *знаешь, доложу тебе, необходимо сказать, так выразиться, значит, в общем, главное, что главное, собственно говоря, понимаете, пойми.*

2. *К счастью, что отлично, к несчастью, на беду, изумительно, к удивлению, не приведи бог, наверное, полагаю, видимо, действительно, каким-то образом, в некотором смысле, предположим, возможно* – в данных компонентах проявляется субъективное отношение говорящего и его эмоциональная оценка (радость, одобрение, положительная оценка /

сожаление, неодобрение, отрицательная оценка; удивление, недоумение, опасение; оценка по степени достоверности; неопределённость, допущение).

3. *Одним словом, иными словами, надо сказать, лучше будет сказать, по правде сказать, прямо говоря, по-другому говоря, если позволительно так выразиться* – различное отношение к способам и формам представления речи, её характеру, стилю.

4. *Во-вторых, кроме того, вдобавок к тому же, вдовесок, в довершении этого, статья, причём, как следствие и т. д.* – характеристика сообщения относительно различных связей, отношений и зависимостей, а также занимаемого места в тексте. В эту группу входят компоненты со значением соответствия чему-то: *как обычно, как заведено, по привычке, по традиции, по обыкновению*; и независимости, противопоставленности: *напротив, желание своё, как тебе угодно, наоборот*.

5. *Как считаю, как молвят, как полагают, как указывают, как говорилось, по-моему мнению, по твоей точке зрения, как вышло, по слухам, с позиции, как известно, как называли в прошлом* – указание на источник сообщения.

6. *В той или иной степени, в значительной мере, по самому меньшему, по крайней мере* – установление ограничительных мерных или степенных рамок сообщаемого.

7. *Как происходит, как иногда случается* – выделение вводных конструкций по отношению к действительности во временно-пространственном протекании.

В. В. Бабайцева в своём труде «Синтаксис русского языка» условно объединяет разные по своей семантической сложности вводные конструкции и формирует восемь групп, в которые входят единицы со значением:

1) *уверенности (истинно, бесспорно, в самом деле, не сомневаюсь, без тени сомнения, по настоящему, конечно, разумеется, полагаю, без возражений и др.);*

2) неуверенности (*видно, видимо, по-видимому, предположительно, наверное, кажется, что вероятно, с долей очевидности, может быть, что предполагается, возможно, надо быть уверенным и др.*);

3) эмоциональной оценки (*к восторгу, к разочарованию, на удачу, по счастливой случайности, к прискорбию, непонятное дело, знакомое дело и др.*);

4) источника сообщения (*припоминается, знакомо, слышно, по мнению, по выражению, по указу, по поговорке, по источнику, по-твоему, как поговаривают и др.*);

5) отношения между частями высказывания (*получается, как следствие, таким образом, частным образом, в особенности, в общем, между делом, во-первых...в третьих..., кстати сказать, к примеру, например, наконец, повторяю, значит и др.*);

6) оценки стиля высказывания (*иными словами, скажу точнее, прямо выражаясь, короче, говоря фигурально, по правде говоря и др.*);

7) степени общности фактов (*как обычно бывает, как часто происходит, как полагается, как всегда, по привычке, по традиции и др.*);

8) привлечения внимания к сообщению: (*вообрази, ты только прислушайся, видишь (ли), знаешь (ли), помнишь (ли), понимаешь (ли), и др.*) [Бабайцева 1987: 275].

Д. Э. Розенталь также говорит о вводных конструкциях, которые могут указывать на экспрессивный характер высказывания: *без шуток, не в укор будь сказано, признаться сказать, надо признаться, сказать по чести, честно говоря, между нами говоря, между нами будь сказано, надо прямо сказать, смешно сказать, по правде, по совести, по справедливости и т.д.* [Розенталь 2009: 149-151].

В пособии «Синтаксис современного русского языка» Г. Н. Акимова и С. В. Вяткина говорят о стереотипности модальных смыслов, передаваемых вводными конструкциями, которая позволяет выделить их конкретные функции. Предлагаемая ими классификация по функциям совпадает с

классификациями по семантическому значению [Акимова, Вяткина 2009, 215]. Кроме того, они выделяют ещё и союзную функцию.

Общий современный коммуникативный подход к изучению синтаксиса отражён в типологии функциональных групп вводных конструкций С. Г. Ильенко. Учёный отталкивается от реализации вводными конструкциями субъективно-модальных значений (передача рассудочного или эмоционального отношения говорящего к различным аспектам высказывания) и указывает на выполнение ими определённой коммуникативной установки. Классификация выделяет следующие функции:

1. Выражение говорящим оценки степени достоверности/недостоверности высказывания. Сюда же относятся вводные конструкции со значением указания на источник сообщения, потому что они так или иначе снижают степень достоверности: *«**Конечно**, глупо было предполагать, что на проверку чувства у него есть время»* (А. Данилова). *«**По рассказам отца**, мать была тихая и болезненная, но красивая, как ангел»* (Н. Меркурьева).

2. Выражение говорящим отношения к высказыванию посредством эмоциональной оценки: положительной или отрицательной: *«Был бы точно он повешен, Но, **по счастью**, утонул»* (С. Калугин). *«**К стыду моему**, должен здесь признаться, что мне частенько в жизни приходилось попирать некоторые установленные обычаи и предрассудки нашей среды»* (Я. Бутович).

3. Выражение непосредственной обращённости к собеседнику с целью установления контакта: *«**Видите ли**, мадам, ежели б я захотел вам доложить насчёт того, что я уже претерпел в жизни-то, то дело тут не обошлось бы без слёз»* (В. Мейерхольд).

4. Метатекстовые вводные конструкции: выражение отношения к способу высказывания (комментирование), выражение отношения к высказыванию с точки зрения его общности, установление разнообразных отношений между частями высказывания: *«**Впрочем**, можно сказать, на всём протяжении своего поэтического пути, он умел направлять на себя*

самого, *как обычно бывает*, скептический или, горько-иронический взгляд» (С. Апт) [Ильенко 2009: 267].

П. А. Лекант одним из первых современных отечественных лингвистов в классификации вводных конструкций отталкивается от функционально-семантического подхода, рассматривает систему вводных компонентов с позиции коммуникативной прагматики. Данный подход способствует выбору оптимальной функционально-семантической классификации.

1. Вводные компоненты с указанием на степень достоверности сообщения (бесспорное, предполагаемое, возможное).

Выражение бесспорности: *бесспорно, конечно, разумеется, без сомнения, без всякого сомнения, факт, само собой и др.*

Выражение возможности, предположения: *видимо, кажется, надо полагать, видать, может быть, возможно, пожалуй, по всей вероятности и др.*

2. Выражение эмоциональной оценки сообщения, чувств с возможным указанием на принадлежность и степень проявления: *счастье, радость, огорчение, стыд, к стыду моему, к его огорчению, на её счастье, к моему великому огорчению, к его неожиданной радости и др.*

3. Указание на источник сообщения: *по моему мнению, по его словам, по нашему предположению, как мы полагаем, по-моему, по-твоему и др.*

4. Указание на степень общности излагаемых фактов (повторяемость или случайность, периодичность или единичность): *бывает, как обычно, как обычно бывает, как правило, случается, как водится, как иногда случается и др.*

5. Привлечение, возбуждение внимание, установление контакта с возможной целью получения отклика: *знаешь, знаете, знаете ли, понимаете, видите ли, изволите видеть, судите сами, согласитесь»* и др. Отмечается, что в некоторых случаях, характеризующихся волнением говорящего или затруднением в выражении мысли, они приближаются по значению к частицам.

К рассмотренным выше компонентам близки употребления, характеризующие манеру говорящего и воздействующие таким образом на адресата: *по правде (откровенно) сказать (говоря), добавим, к слову сказать* и др.

б) Указание на отношения между частями высказывания. Это вводно-союзные компоненты – «гибридные» по В. В. Виноградову [Виноградов 1972: 31], значение и функция которых может быть охарактеризована как:

а) Указание на следование одних фактов за другими при перечислении: *во-первых, во-вторых и т.д.; наконец* и др.

б) Противопоставленность содержания сообщения предыдущему высказыванию: *напротив, наоборот, впрочем, правда (с оттенком уступительности)* и др.

в) Следствие – то есть содержание предложения логически вытекает из предшествующего высказывания как его следствие: *следовательно, значит, выходит, стало быть* и др.

г) Вывод, обобщение, заключение: *итак, вообще, таким образом* и др.

Можно сделать вывод, что исследователей интересовали не только семантические особенности, но и функциональные, то есть они считали, что важно знать также и назначение вводных единиц. Вводные конструкции с позиции рассмотрения их как коммуникативно-прагматической категории помогает раскрыть сущность этих единиц, установить практическое назначение, определить роль в речи. Несмотря на то, что вводные компоненты наделены достаточно сложной системой значений, их функциональное употребление в речи совершенно оправданно и необходимо. Однако правильным считается только умеренное и грамотное использование данных единиц, вне зависимости от сферы употребления.

Таким образом, было определено, что в современной науке существует довольно большое количество классификаций вводных конструкций, дифференциация которых основана на значении и функции в предложении

(высказывании). Как наиболее общие для всех типологий, можно назвать следующие группы со значением:

- 1) характеристики уровня достоверности информации;
- 2) позволяющим выразить эмоциональную оценку;
- 3) указывающим на источник сообщения,
- 4) оценки способа выражения мысли;
- 5) указывающим на степень обычности излагаемых фактов;
- 6) позволяющим обратиться к собеседнику для привлечения, либо возбуждения его внимания;
- 7) отношения между частями сообщаемого высказывания.

1.3. Вводные компоненты и индивидуальный стиль автора

Известно, что говорящий при помощи вводных конструкций выражает своё отношение к действительности, свои мнения, оценки, «вовлекает то лицо, к которому обращена речь, в круг желательных или нужных говорящему модальных оценок и квалификаций высказывания» [Виноградов 1975: 71], – следовательно, по тому, как он их использует, можно установить некоторые его психологические особенности, черты характера; по его оценкам можно догадаться о присущем ему внутреннем мироустройстве, духовной и психической составляющей, о ценностных установках, о вкусах и предпочтениях или же о том, что ему привычно. Другими словами, если «наличие в высказывании вводного компонента представляет прямое указание на то, что говорящий «видит» перед собой адресата» [Лекант 1998: 5], то, по логике, адресат так же «видит» и говорящего и способен истрактовать его намерения, мотивы, характер мышления, ценностные ориентиры, мировидение.

Можно ли тогда считать, что сквозь призму вводных конструкций в тексте «проступает» человеческая личность – автора-создателя этого текста, что по ним можно составить его психологический образ, смоделировать и понять его сознание, и, с другой стороны, не зависит ли выбор вводных

конструкций, их использование от человека, его индивидуальности? «Изучая лексикон языковой личности, мы с неизбежностью вторгаемся и в ее картину мира, и в то же время устанавливаем прагматические векторы, характеризующие ее позицию в мире» [Караулов 1987: 137]; «отдавая предпочтение тому или иному языковому знаку, говорящий субъект тем самым эксплицирует отличительные черты своей «картины мира»...» [Волкова 1998: 17]. И можно ли назвать особенности употребления вводных конструкций (то есть характерное, определённое их использование) объективной характеристикой идиостиля? Таким образом, здесь нами видятся следующие проблемные вопросы: проблема образа автора, его персонификаций, и проблема идиостиля.

Постановка и решение первой проблемы встречается как в собственно лингвистических, так и в литературоведческих исследованиях: образ автора и связанные с ним вопросы освещались в трудах В. В. Виноградова, где он рассматривал на примере художественных произведений структуру этого образа, диалектическую «я-прослойку»; Е. В. Падучевой, выделявшей ипостаси говорящего субъекта; у Ю. Н. Караулова, рассматривавшего языковую личность; в теориях Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, связывающих данную проблему с позицией точки зрения. Согласно материалу нашей работы, обратимся к основным положениям именно в теории художественного текста.

Язык художественного произведения не тождественен языку разговорному – в нём присутствуют определённые трансформации из-за неполноценности (нестандартности) коммуникативной ситуации, в которой читатель, как один из её участников, взаимодействует с автором не прямо, а через текст; так как читатель и автор находятся в разных пространственно-временных планах, второй не может быть для первого ориентиром референции – что характерно для полноценного (стандартного) общения. Следовательно, автор художественного произведения и говорящий в разговорной речи так же не одно и то же: «в художественном произведении

собственно авторская речь... является в той или иной степени условной, т. е. не допускающей прямолинейного отождествления с языком подлинного автора произведения» [Штокмар 1960: 136-137]. Прямое отождествление недопустимо ещё и потому, что сам автор находится вне создаваемого им художественного вымысла, тогда как говорящий существует в реальном мире, в котором и производит речь. Субъектом сознания и речи, говорящим в нарративе, таким образом, выступает не автор, а повествователь, являющийся фигурой диегесиса, либо ограниченный только экзегесисом, т. е. рассказчик – если он является персонажем, или наблюдатель – если занимает подчеркнута дистантную позицию при описании других фигур). Существует также такая повествовательная форма, как свободный косвенный дискурс, где нарратор частично уступает персонажу 3-го лица, где нарратив заполняет несобственно-прямая речь.

Таким образом, оценки и мнения автора в произведении и настоящая позиция писателя соотносятся лишь косвенно: с некоторыми из них он может быть по-настоящему солидарен, другие же, подобно фабуле, являются вымышленными, – чего, однако, нельзя установить точным образом, опираясь на один только смысл текста, и поэтому данная проблема неактуальна в лингвистике, а скорее примечательна для историка литературы [Падучева 1996: 201]. Но также говорится, что, в конечном итоге, композиционная и структурная целостность обусловлена сознанием автора в его единстве, «текст неотделим от своего создателя, говорящего» [Падучева 1996: 217].

Тем не менее, с учётом видимой нами сложности данной проблемы, имеет право на существование предположение о взаимозависимости своеобразного, отличного употребления вводных конструкций различными авторами и индивидуальных особенностей их личности; то есть их использование, как мы думаем, не продиктовано только лишь художественными или прагматическими задачами потому, что они не имеют статус собственно художественного средства, выбираются и применяются в

большинстве своём неосознанно, т. е. не выступают как объект приложения речемыслительных усилий, как, например, лексика (но и не так, как служебные слова). Как отмечает Ю. Н. Караулов, «если логику образа автор в состоянии контролировать, то логика лексикона строится им бессознательно» [Караулов 1987: 136]. Мы склонны полагать, что вводные конструкции не обусловлены только сферой прагматики: хотя они и признаются прагматическим языковым средством, это не значит, что они используются «с заранее обдуманной целью, утилитарно, прагматически», – что связано, должно быть, с самим термином «прагматика», на общеупотребительный смысл которого наложена отрицательная коннотация. Поэтому их употребление, выбор бессознательны, безотчётны или определяются положительным или отрицательным взглядом на ту или иную конструкцию, чему подтверждением, к примеру, может стать наблюдение рядов синонимов с размытой различительной семантикой: *иначе сказать, иными, другими словами* и т.п.

Проблема индивидуального стиля видится, в свою очередь, менее трудной: в многообразии подходов, позиций исследователей, которые не только по-разному определяют характерные свойства данного понятия, но и применяют различные термины (идиостиль, стиль, идиолект, индивидуальный стиль, манера стиля) – что объясняется сравнительной «молодостью» вопроса, тем не менее выявляется схожесть в описании, видении сути. «Индивидуальный стиль – ...структурно единая и внутренне связанная система средств и форм словесного выражения» [Виноградов 1963: 105]; «стиль — это выражение не каких-то случайных черт, а художественно-мировоззренческой сущности художника, не идейности, отторгнутой от образности, не содержания, поставленного над формой, а соотнесенности категорий» [Григорян 1969: 14]; «результат отбора на уровне словесного выражения, т.е. на заключительном этапе творчества» [Долинин 1985: 189]; образ речевой деятельности автора, «где системно и закономерно проявляются индивидуальные способы употребления и функционального

преобразования языковых единиц в эстетически значимые элементы художественного текста... Эта целостность возникает вследствие применения своеобразных принципов отбора, комбинирования и мотивированного использования элементов языка» [Пищальникова 1992: 20, 21]. Указывается также то, что наличие у художника слова отличительной системы смыслов, устанавливающих его особенную приверженность к отражению определённых фактов объективной действительности и характеру их отношений, это не что иное, как образ, проявление его индивидуальной картины мира.

Художественный текст воспринимается читателями неодинаково, с разной степенью осознанности, но при внимательном рассмотрении они могут выделить, фиксировать в нём характерные речевые признаки писателя, заключающие в себе личностные смыслы. Понятие идиостиля, сопряжённое с понятием авторства текста или в какой-то мере составляющее его, должно базироваться как раз на теоретическом осознании этих характерных особенностей. Таким образом, лишь определение регулярных, систематических соотношений индивидуального стиля с определённой, предполагающей индивидуальные изменения, репрезентацией каких-либо языковых средств (понимаемых нами, как способных выражать авторство в тексте), «дает возможность представить идиостиль как формально-содержательную логику-психолингвистическую категорию» [Пищальникова 1992: 28].

Итак, понятие идиостиля в первую очередь связано с тем фактом, из которого следует, что языковые средства являются определённым образом выбранными, отобранными, комбинированными и взаимодействующими друг с другом различными способами. С другой стороны, нужно отметить, что при невозможности установления каких-либо исключительных способов представления личностных смыслов (ввиду возможного их отсутствия), «легко обнаруживается преимущественное их использование» [Там же: 28]. Следовательно, вторым фактом выступает частотность употребления языковых средств (слов). Попытки установить такую взаимосвязь – с переменным

успехом – встречались раньше (исследования Л. Г. Волковой, А. Н. Барановой) и встречаются в настоящее время (Н. Ю. Мухин). Так, Л. К. Каджазнули в своей работе, посвящённой установлению отличительных особенностей стиля писателей, говорит об этих различиях, как о разнице в частоте употребления отдельно взятых языковых форм, и предлагает принять этот параметр, как одну из характеристик индивидуального стиля, – что, по нашему мнению, верно. Однако ошибка состоит в выборе для анализа неподходящего объекта: пласт общеупотребительной лексики (относящейся к содержанию и сюжету). По этой причине, подводя итог своего статистического анализа, он делает вывод о зависимости употребления рассматриваемых лексических единиц скорее от жанра или от стиля текста, чем от индивидуально-авторских особенностей.

Следуя всему вышеизложенному, можно сказать, что вводные конструкции представляются именно как объект наиболее интересный и показательный в исследовательском плане. В связи с этим приведём некоторые частные предположения:

1). Вводные конструкции в своём употреблении несут отражение психотипа говорящего (в речи человека, склонного к логике, рационализму, очевидно предположить большое количество «логических» конструкций: *итак, с одной стороны, значит, однако, впрочем*; эмотивному психологическому типу должны быть присущи конструкции: *к несчастью, к изумлению, к радости, как на беду* и т.д.).

2). Выбор вводных конструкций согласуется с характером говорящего (из группы со значением оценки достоверности человек с категоричным мышлением будет чаще употреблять единицы типа *бесспорно, точно, несомненно*, – и, напротив, осторожный в своих суждениях склонен в большей степени использовать единицы, указывающие на предположительность, вероятность: *может быть, по-видимому, кажется*).

3). Часто вводные конструкции составляют одну синонимическую парадигму (*видимо, по-видимому, как видно, по всей видимости*), и в данном

случае выбор определяется неосознанным предпочтением какой-то одной из этого ряда.

Таким образом, выбор, частоту, характер употребления вводных конструкций можно считать отличительными признаками конкретного писателя и, значит, объективной характеристикой его индивидуального стиля, если принять положение, что для данных показателей характерна регулярность и стабильность в текстах этого автора и, как следствие, наименьшая зависимость от содержания, идеи, художественных установок. Необходимо также согласиться с тем, что употребление вводных конструкций в таком случае происходит в большей степени бессознательным образом: в силу привычки, вкусов, пристрастий, – словом, всего того, чем определяется их набор и частота в разговорной практике автора.

Выводы по первой главе

В научной литературе нет полного описания круга значений вводных конструкций, единой точки зрения на их место в языке, синтаксический статус, происхождение, связь с предложением.

Вводные конструкции создаются на базе устойчивого лексически ограниченного круга слов вследствие трансформации их лексического значения, изменения синтаксической функции, преобразования парадигмы, утраты морфологической членимости.

В грамматической структуре предложения вводные конструкции характеризуются автономностью и особым синтаксическим статусом: они не связаны со словами предложения грамматической связью, не являются членами предложения, не входят в его структуру, вступая с ним только в семантическое взаимодействие; выделяясь интонационно, они нарушают синтагматику предложения и на письме отделяются запятыми. Вводные конструкции различаются: а) по структуре (слова, сочетания, предикативные единицы); б) по семантике. Вводные компоненты, будучи единицами полифункциональными, могут служить также скрепами между отдельными

частями предложения и целыми предложениями, выполнять структурно-организующую функцию в рамках текста – устанавливать контекстные связи между предложениями, фрагментами, блоками текста.

Несмотря на существующие различия в структурном и семантическом отношениях, вводные конструкции всех видов выполняют одинаковые функции: помогают оформить высказывание, позволяют говорящему не только передать определенную информацию, но и выразить отношение к ней, воздействовать на адресата. Таким образом, вводные конструкции – это особая коммуникативно-синтаксическая единица модальной сферы языка, обозначающая отношение говорящего к высказыванию – к любому его аспекту или части – к его содержанию, форме, степени достоверности, к его соотношению с другими высказываниями и т. д. Вводные конструкции являются основным способом выражения модуса и тем самым средством выражения авторства, при помощи которых говорящий выражает свою точку зрения, заявляет своё «Я» в высказывании.

Существуют различные классификации вводных компонентов, которые отражают тот или иной подход в их изучении. Вследствие этого объём их может быть различным, но вместе с тем можно выделить наиболее часто встречающиеся разряды. Так, наиболее обобщённая и отвлечённая классификация может быть представлена: вводно-модальными, эмоциональными, авторскими, контактными, обобщительными, союзными конструкциями. Необходимым, таким образом, становится выбор подходящей для нашего исследования типологии, наиболее соответствующей поставленным задачам.

Выражая свое отношение к действительности при помощи вводных конструкций, свои мнения, оценки, говорящий как автор высказывания невольно обнаруживает себя как личность – свои интенции, ценностные ориентиры, духовный мир, психологические особенности, которые могут быть интерпретированы, воссозданы через вводные слова, а именно исследованием частотности и характера их употребления. Рассмотрев

научные положения, относящиеся к проблеме «образа автора» и теории идиостиля, понимая их сложность, неоднозначность, мы решили, что возможно «пренебречь» с очевидностью существующим «диалектическим расслоением» автора, выступающего в различных ипостасях – повествователя, рассказчика, персонажа – считая, что за ними стоит единое сознание автора-творца, а порожденный автором текст неотделим от своего создателя.

Таким образом, авторство высказывания, выражаемое вводными конструкциями, связывается с понятием идиостиля, который представляет собой не что иное, как систему средств и способов индивидуального авторского выражения; вводные компоненты рассматриваются как показатели идиостиля, т.е. с точки зрения свойственных, преимущественных для данного автора частоты и характера их употребления.

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЕКСТЕ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»

В данной главе представлен анализ вводных конструкций, в центре которого следующие целевые установки:

1. Изучение функционально-семантических особенностей данных синтаксических средств с учётом современных положений, подходов. Широкое же использование и значительная функциональная нагрузка их в творческом наследии Н. В. Гоголя, а именно в поэме «Мёртвые души», позволяют нам провести описание вводных компонентов разных групп (их функционирования) в языке одного писателя-классика, а не использовать пёстрый, случайно извлечённый из различных источников, материал, что, на наш взгляд, способствует более глубокому, детальному изучению категории вводности, во всех её связях и опосредованиях. Поэтому также предполагается – там, где это возможно – выявление и художественно-стилистических свойств употребления вводных конструкций.

2. Выход исследования за рамки высказывания – в текст, в контекст понятия идиостиля. Частота и характер употребления вводных конструкций, свойственных данному писателю, рассматриваются как параметр, характеризующий его идиостиль (сущность понятия идиостиля определяется как отбор определённых языковых средств, делающих тексты автора уникальными). Представляется, что использованный в работе количественный анализ является одним из важнейших этапов любого научного исследования, его результаты, несмотря на некоторую обобщённость, объективны. Без сомнения, огромную роль он играет и при изучении идиостиля писателя. В первую очередь, он приближает исследователя к пониманию языковой личности писателя, к построению характерной для него системы предпочтений, стратегии использования языка. Количественный анализ отражает предпочтения автора в выборе и

употреблении синтаксических конструкций (в нашем случае – вводных компонентов).

Всего нами было проанализировано 650 употреблений вводных конструкций, отобранных методом случайной выборки. Выявленное таким образом количество покрывает приблизительно 80 процентов текста поэмы. В своей работе мы опирались на классификацию, предложенную С. Г. Ильенко. Стоит также отметить, что рассматривались и отбирались только явные, устойчивые конструкции, полностью определяемые как вводные. Было установлено, что ряд единиц допускают различную синтаксическую интерпретацию в силу формальных связей с другими компонентами высказывания, грамматической омонимии и принципиальной невозможности реконструировать коммуникативное намерение автора текста. Главный семантический признак вводных конструкций заключается в том, что они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому, синтаксические связи этих единиц с какими-либо членами предложения отсутствуют. Данная характеристика не отграничивает вводные конструкции от тех частиц, которые традиционно не относят к вводным единицам (например, авось). Вводные единицы маркируются особой интонацией вводности, и именно этим свойством они отличаются от частиц. Некоторые зафиксированные нами конструкции могут быть интерпретированы или как члены предложения, или как части сложных предикативных конструкций. Есть ряд единиц, которые абсолютно тождественны вводным в смысловом отношении и лексическом выражении, но грамматически они связаны с другими словами в предложении и потому вводными не являются. Если языковая компетенция и способствует восприятию их как вводных, то это не что иное, как проекция носителей современного русского языка на языковые факты 19 в.

2.1. Вводные конструкции, выражающие оценку степени достоверности / недостоверности сообщаемого

Вводные конструкции со значением достоверности/недостоверности составляют суть выражения модальности в целом. С. Г. Ильенко, характеризуя данную группу, предлагает рассматривать входящие в неё вводные конструкции на оси с утвердительно-отрицательными символами «да-может быть-нет» [Ильенко 2009: 58].

К вводным конструкциям достоверности Гоголь обращается реже (92 из 275 употреблений данной группы). Недостоверность (неуверенность), можно сказать, является ядром произведения, с основным символом «может быть».

Вводные конструкции с общим значением недостоверности

Может быть (43) / *может статья* (2), *может* (3), *как я вижу* / *(как) видно* (26) / *по-видимому* (4), *верно* (22), *кажется* (24) / *(как) казалось* (27), *вероятно* (11), *положим* (4), *пожалуй* (7), *чай* (10). Общее количество – 183 словоупотребления.

Чтобы рассмотреть данную подгруппу, для начала определим значение слова *предположение*: «предварительное суждение, догадка о чем-нибудь, не подтвержденная прочными доказательствами мысль о чем-нибудь; мысль, соображение, не перешедшие еще в окончательное намерение» [Толковый словарь русского языка 1935-1940]

Стоит отметить, что вводные конструкции, выражающие предположение, характерны для отечественных художественных произведений 19 века в целом: «У нас все мечта и призрак, все меняется и кажется, и чудится, все только будто бы, как бы, нечто, что-то ...» (В. Кюхельбекер).

Предположение появляется, когда автор не совсем готов к тому, чтобы говорить о чём-то как о реальном факте действительности, «модус достоверности», в котором он пребывает внутренне, внешне не определён конечным образом: *Когда взглянул он потом на эти листики, на мужиков, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали баб или просто были хорошими мужиками, то*

какое-то странное, **может быть**, непонятное ему самому чувство на миг овладело им.

Обнаруженные в поэме примеры словоупотребления позволяют говорить о тонкости семантической дифференциации данной вводной конструкции: предположение, собственно возможность, сомнение.

1. Собственно возможность (со значительной долей надежды на осуществление, на положительный исход ожидаемого): **Может быть**, к сему побудит его другая, более существенная причина, дело более серьезное, ближе к сердцу...; **Может быть**, здесь... в этом, вами сейчас выраженном изъяснении... скрыто другое...

Возможность – «это то, что можно себе представить, что может осуществиться; удобный случай, благоприятное для чего-нибудь стечение обстоятельств» [Толковый словарь русского языка 1935-1940].

Высказывания со значением возможности у Гоголя в «Мертвых душах» нередко связываются с благополучным исходом. Например, во фрагменте, в котором автор размышляет о качествах Чичикова и о том, почему он был выбран в качестве главного героя поэмы: *Увы! все это известно автору, и при всем том он не может взять в герои добродетельного человека, но... может быть, в сей же самой повести почуются иные, еще доселе не бранные струны, предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божескими доблестями, или чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления и самоотвержения.*

Речь здесь идёт о надежде на осуществления желания, а не только о возможности. За свойственной Гоголю иронией можно разглядеть такую возможность, мечта об осуществлении которой окажется действительностью: она соотнесена здесь со вполне реальным: *Как глубоко ни загляни автор ему в душу, хоть отрази чище зеркала его образ, ему не дадут никакой цены.*

В контексте с надеждой на осуществление желания важно использование формы будущего времени, поэтому в контекстах с

прошедшим временем можно говорить не о надежде, а о замещении её признанием в совершении ошибки, неким сожалением об этом: *Я, **может быть**, больше всех виноват: я, **может быть**, слишком сурово вас принял вначале; **может быть**, излишней подозрительностью я оттолкнул из вас тех, которые искренно хотели мне быть полезными, хотя и я, с своей стороны, мог бы также сделать им упрек.*

2. Сомнение – это менее вероятная возможность, то есть стоящая как бы «ниже рангом». Суть сомнения отражается в высказывании, когда говорящий колеблется между мнениями *да* или *нет*: – *А **может быть**, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся... – возразила старуха...; Сам хозяин являлся к столу в опрятном сюртуке: нигде никакой заплаты, локти были в порядке, хотя, **быть может**, несколько поношенным, но всё же в опрятном.*

3. Предположение – это догадка, характер которой опирается на опыт или знание: *Читатель, **может быть**, уже догадался, что гость был не другой кто, как наш почтенный, давно нами оставленный Павел Иванович Чичиков; **Может быть**, это происходит оттого, что мы вдруг удовлетворяемся в самом начале и уже почитаем, что все сделано.*

Установленный широкий семантический спектр у вводного компонента *может быть* расширяет его функциональность и позволяет использовать для придания ироничности, сочувствия, недовольства и т. д. Например, такой наполненный иронией микромонолог в ответ на предположение Чичикова о недостаточной образованности русских людей: *Оттого ли, что я бестолково учился? Только нет: ведь так и другие товарищи. **Может быть**, два-три человека извлекли себе настоящую пользу, да и то оттого, **может**, что и без того были умны, а прочие ведь только и стараются узнать то, что портит здоровье, да и выманивает деньги. Ей-богу! Ведь учиться приходили только затем, чтобы аплодировать профессорам, раздавать им награды, а не самим от них получать.*

Иронический аспект функционирования вводной конструкции *может быть* обнаруживается при сопоставлении высказывания с употреблением данной конструкции и без неё: *...те, которые подобрались к чинам генеральским, **может быть**, даже бросят один из тех презрительных взглядов, которые бросаются гордо человеком на все, что ни пресмыкается у ног его, или, **может быть**, пройдут убийственным для автора невниманием.* Без данного вводного элемента высказывание получается уже не просто ироническим, но и сатирическим.

Кроме роли в выражении общих значений (возможности, предположения, сомнения), у вводной конструкции *может быть* имеется ещё одна ориентация, которая связана с использованием её в трёх сферах коммуникации: Я, ТЫ, Я-ТЫ. Раскроем эту роль.

В поэме Гоголя сфера «Я» обнаруживается перед читателем при описании внутренней речи героя: *Что ни говори, – сказал он сам в себе, – а не подоспей капитан-исправник, мне бы, **может быть**, не далось бы более и на свет божий взглянуть!; И он подумал про себя: «Ведь черт его знает, **может быть**, он просто хвастун, как все эти мотишки; наврет, наврет, чтобы поговорить да напиться чаю, а потом и уедет!*

Сфера «Я» прослеживается в авторских отступлениях: ***Может быть**, станешь даже думать: да полно, точно ли Коробочка стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенствования?; И, **может быть**, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес.*

Сфера «Я» может расширяться до сферы «МЫ», когда, кроме адресанта, говорящего о себе, предполагается ещё и адресат: ***Может быть**, мы и назовём все это невероятным; автор в угоду всем готов бы назвать все это невероятным; И бричка, в которой ездят холостяки, которая так долго застоялась в городе и так, **может быть**, надоела нам.*

Сфера «ТЫ», обозначенная нами в качестве второй, может быть репрезентована в диалоге, независимо от того, состоялся он полностью, или же представлен репликой только одного участника (эллиптический диалог). Она отличается от сферы «Я» тем, что представляет собой факт внешней коммуникации, целью которой для адресанта является необходимость донесения точных своих мыслей и чувств до адресата: *Может быть, здесь... в этом, вами сейчас выраженном изъяснении... скрыто другое... Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?; «Славная бабушка! – сказал он, открывши табакерку и понюхавши табак. Из тебя все можно сделать, ты, **может быть**, чудо, а может, и дрянь, и выдет дрянь!*

То есть данная сфера совмещает в себе две позиции (адресата и адресанта). Значение недостоверности разной степени присуще говорящему, который стремится, желает передать это значение слушающему: *Знаем, батюшка: вы пальцами своими, **может быть**, невесть в какие места наведываетесь, а табак вещь, требующая чистоты; Читатель, **может быть**, уже догадался, что гость был не другой кто, как наш почтенный, давно нами оставленный Павел Иванович Чичиков.*

Стоит заметить, что отношения диалогического общения (учитывается, в том числе, и внутренний диалог) характерны для всех вводных конструкций данной группы. Вводная конструкция *может быть* является здесь лишь обобщённым символом значения недостоверности: *Под сим, **вероятно**, они изволили разуметь близкие к смерти, а не умершие; ибо умершие не приобретаются; **Вероятно**, он был человек признательный и хотел заплатить этим хозяину за хорошее обращение.*

Но при этом стоит сказать и как о невозможности, так и о возможности замены одной вводной конструкции на другую, с учётом того факта, что назвать их «полными синонимами» всё же нельзя. Во-первых, замена одного компонента на другой обусловлена семантикой, во-вторых, стилистической маркированностью, и наконец – стандартизированным контекстом. Сравним,

например, возможность или невозможность взаимозаменяемости *может быть* и конструкции *видимо (видно, по-видимому)*: *Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сюртуке и, по-видимому, проводивший очень покойную жизнь, потому что лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвет кожи и маленькие глаза показывали, что он знал слишком хорошо, что такое пуховики и перины.*; *Предположения, сметы и соображения, блуждавшие по лицу его, видно, были очень приятны, ибо ежеминутно оставляли после себя следы довольной усмешки; Видно, я вам наскучила уже, видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство.*

Чаще всего тот или иной контекст представлен без явного и открытого указания на мнение или речь чужого лица. В данных контекстах говорящий при помощи вводных конструкций моделирует (при этом сознательно отстраняясь) точку зрения третьего лица и, между тем, влияет на возможное или предполагаемое поведение другого третьего лица: *Читатель, может быть, уже догадался, что гость был не другой кто, как наш почтенный, давно нами оставленный Павел Иванович Чичиков; Читатель, может быть, изумляется, что Чичиков доселе не заикнулся по части известных душ; Надворные советники, может быть, и познакомятся с ним, но те, которые подобрались уже к чинам генеральским, те, бог весть, может быть, даже бросят один из тех презрительных взглядов.*

Рассматриваемая сфера «Я-ТЫ» может быть репрезентована, когда высказываются альтернативные, взаимоисключающие предположения. В этом случае говорящий как бы учитывает оба, не отдавая ни одному из них предпочтения до обнаружения истинности, если, конечно, таковое обнаружение состоится: *Один говорил, что Чичиков, может быть, делатель государственных ассигнаций, и потом сам прибавлял: «а может быть, и не делатель»...; ...Ты, может быть, чудо, а может, и дрянь.*

Таким образом, был представлен один из способов отображения коммуникативного смысла вводных конструкций со значением

недостоверности. Данная схема предполагает рассмотрение их семантики и сферы проявления (при общем значении достоверности именно на этих уровнях наблюдается их различие) и может быть применима к каждой конструкции в данной группе.

Рассмотрим особенности употребления вводной конструкции *кажется*. Среди вводных конструкций со значением достоверности вводно-модальной единице *кажется* отведено особое место. Закреплением за данной конструкцией в языковой системе особого статуса продиктовано возникновение научного предположения о выделении семантической группы с модальным значением кажимости. Это значение, по словам, выделяет то, чего мы не видели, но что показалось нам увиденным, и то, чего мы слышали, но показалось нам услышанным.

Данная категория включает в себе представление о ней как об особом структурном знании, в котором помещаются два измерения: объективное (денотативная ситуация – мир как данность) и субъективное (ментальная переработка – варианты его изучения).

Группа вводных конструкций, обозначающих неуверенность, и, в том числе, рассматриваемое слово *кажется* являются одним из способов выражения категории неуверенности. Так, слово *кажется*, например, обозначает отношения противоречия между реальным существованием вещей или их протеканием и тем, как эти вещи воспринимаются говорящим в некий момент или определённый отрезок времени. Вводный компонент *кажется* способствует выражению говорящим неполной уверенности, сомнения в правдивости того, о чём говорится.

Также можно выделить различные степени проявления неуверенности. Принципом разграничения являются два фактора: первый из них предполагает, каким является знание субъекта об определенной вещи, – полными либо неполными; второй учитывает то, насколько субъект убеждён в корректном своём восприятии окружающей действительности.

1) Утверждается наличие у субъекта некоторого количества знаний, благодаря которым представляется возможным составить предварительное суждение. Для того чтобы высказать говорящему своё предположение, является неважным качество и количество информации, которой он обладает: субъект считает эту информацию (которая может характеризоваться той или иной степенью значительности) достаточной для формирования предположения: *Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде ребр. Кажется, сами хозяева снесли с них дранье и тес...; «Гость, кажется, очень неглупый человек, – думал хозяин, – степенен в словах и не щелкопер». И, подумавши так, стал он еще веселее, точно как бы сам разогрелся от своего разговора и как бы празднуя, что нашел человека, готового слушать умные советы.*

2) Несмотря на значительность, обширность знания о предмете, большую информационную осведомлённость, говорящий не до конца убеждён в совпадении того, как ему видится некое положение вещей, с реальным, действительным его положением: – *Да вы всегда славились здоровьем, – сказал председатель, – и покойный ваш батюшка был также крепкий человек. – Да, на медведя один хаживал, – отвечал Собакевич. – Вы, кажется, однако ж, – сказал председатель. – Вы бы тоже повалили медведя, если бы захотели выйти против него; Ну что из него выжмешь, из этого бала? Ну если бы, положим, какой-нибудь писатель вздумал описывать всю эту сцену так, как она есть? Ну и в книге, и там была бы она также бестолкова, как в натуре. Что она такое: нравственная ли, безнравственная ли? просто черт знает что такое! Плюнешь, да и книгу потом закроешь». Так отзывался неблагоприятно Чичиков о балах вообще; но, кажется, сюда вмешалась другая причина негодования.*

3) Контуры осведомлённости очерчены приблизительно, размыты, степень представления говорящим реального положения вещей крайне мала,

информационная осведомлённость о данном факте недостаточна: *Что же делалось потом до самого ужина – право, уже и сказать трудно. Кажется, просто ничего не делалось; – Живет она у нас же в городе – Александра Ивановна Ханасарова. – Отчего ж вы не обратитесь к ней? – сказал с участием Платонов. – Кажется, если бы она только поближе вошла в положение вашего семейства, она бы не в силах была отказать вам, как бы ни была туга.*

4) Субъект посредством воображения, образно, в соответствии со своим представлением о мире может восполнить недостаточную сферу знаний о предмете для его характеристики: *Легкий головной убор держался только на одних ушах, и, казалось, говорил: «Эй, улечу, жаль, не подыму с собой красавицу!»; Белокурый был один из тех людей, в характере которых на первый взгляд есть какое-то упорство. Еще не успеешь открыть рта, как они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что явно противоположно их образу мыслей, что никогда не назовут глупого умным и что в особенности не согласятся плясать по чужой дудке.*

5) Говорящий из-за недостаточной убеждённости в том, что он или кто-либо другой ранее произносил или писал, из-за невозможности наиболее верного восстановления в памяти данного высказывания напоминает о нём: *– По две копейки пристегну, извольте. Сколько их у вас? Вы, кажется, говорили семьдесят?; – Когда же ты успел его так скоро купить? – Как же, я еще третьего дня купил, и дорого, черт возьми, дал. – Да ведь ты, кажется, говорил, что был в то время на ярмарке.*

6) В особом значение данный компонент употребляется при приравнивании его по смыслу к частице *ведь*. В этой его роли недоверительность практически не подразумевается. В данном произведении, и во всей художественной прозе в частности, такое употребление характерно больше для речи персонажей: *– Как, где место? – сказал Ноздрев, покрасневши. – Да, ты, брат, как я вижу, сочинитель! – Нет, брат, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно.*

Вводные конструкции с общим значением достоверности

Конечно (22), *(само собой)* *разумеется* (8), *точно* (19), *право* (17), *действительно* (5), *в самом деле* (12), *без сомнения* (6), *правда* (3). Общее количество – 92 словоупотребления.

Достоверность проявляется тогда, когда у говорящего имеются достаточные основания считать свою информированность о событиях и фактах, построенную на основе своего жизненного опыта, полной. Он уверен в своём глубоком понимании того предмета, о котором говорится. Из всех вводных конструкций со значением достоверности самой распространённой по количеству словоупотреблений является слово *конечно*, так как оно, по своей эмоционально-экспрессивной окрашенности, наиболее усреднённое (по сравнению, например, с *бесспорно* или *безусловно* (которые в тексте поэмы вообще не встречаются) и практически (по сравнению, например, с *действительно* или *в самом деле*): *Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов, и много бы можно сделать разных запросов.*

Использование этой вводной конструкции здесь предполагает достаточное, обширное знание того факта действительности, о котором говорится. В данном случае не предусматриваются какие-либо колебания относительно выбора из всех предположительно существующих вариантов. Конечной целью такой безапелляционной позиции у говорящего является формирование такой же у его собеседника, то есть у него не должно оставаться никакого выбора.

Для рассмотрения в тексте поэмы функционального спектра вводных конструкций со значением достоверности нами будут проиллюстрированы возможные семантические оттенки данной категории. Можно выделить два значения:

1) Существование альтернативы – оценка сказанного и заключённой в нём информации происходит с позиции предполагаемого существования альтернативы, то есть описываемые нами вводные конструкции адресант

использует с учётом возможного наличествования других вариантов «положения вещей»: *...Другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы в некотором роде можно было поговорить о любезности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье этакое... Тогда, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. Но решительно нет никого.*

2) Безальтернативность – оценка сказанного и заключённой в нём информации происходит с позиции предполагаемого отсутствия других возможных вариантов «положения вещей», то есть вводная конструкция употребляется говорящим в том случае, когда допускается лишь один возможный вариант: – *Да, конечно, мертвые, – сказал Собакевич, как бы одумавшись и припомнив, кто они в самом деле были уже мертвые, а потом прибавил: – Впрочем, и то сказать что из этих людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? мухи, а не люди.*

Критерием оценки сказанного и заключённой в нём информации с позиции отсутствия альтернативы служит наличие признака, семантику которого можно охарактеризовать таким определением как «несомненность». Оценка говорящим ситуации происходит с позиции наличия только лишь одного единственно возможного варианта, не предполагающего другого положения вещей. А. Вежбицкая, например, определяет семантику слова *конечно* следующим образом: «не думай, что могло быть по-другому» [Вежбицкая 1978: 28], что подтверждает введённое нами понятие «несомненность» в раскрытии смысла безальтернативности. Подобное, например, толкование слова *конечно* и его синонимов дано в «Новейшем толковом словаре русского языка». То есть, подводя итог, можно сказать, что высказывания, в которых употребляются вводные конструкции с частным значением «отсутствие альтернативы» означают «несомненность» в выборе варианта.

Условия употребления вводных конструкций данной группы может отобразить разграничение значений достоверности и уверенности. Это зависит от некоторых особенностей.

Условием возникновения достоверности является наличие у говорящего обширного и достаточного знания о предмете речи, то есть он знает о том, что заключённая в содержании высказывания информация является правдой. Адресант, таким образом, являясь полностью осведомлённым о предмете речи, уверен, что высказывание точно соответствует настоящему положению вещей: *Потом, **разумеется**, письмо было свернуто и уложено в шкатулку, в соседстве с какою-то афишей и пригласительным свадебным билетом, семь лет сохранявшимся в том же положении и на том же месте; Гость и хозяин встретились взорами. Один, **разумеется**, проворчал сквозь зубы: «Скотина!», другой послал ему тоже что-то вроде свиньи.* В приведённых примерах вводные конструкции имеют коннотацию уже состоявшегося факта действительности, который имел место быть совершённым в прошлом (на это указывает и форма прошедшего времени причастий *свёрнуто* и *уложено* и глаголов *встретились* и *проворчал*).

Приведём ещё один пример с другим словом: *Себя они во всем извиняют. «Я, говорит, **конечно**, промотался, но потому, что жил высшими потребностями жизни.* Говорящий, используя эту вводную конструкцию, не сомневается в достоверности, основанной на полном знании того, о чём говорит. У него отсутствуют сомнения насчёт существования иных вариантов, и, таким образом, они должны отсутствовать и у адресата.

Значение же уверенности проявляется тогда, когда в высказывании присутствует категоричное мнение адресанта: ***Конечно**, ничего вредоносного ни для кого не могло быть в этом поступке: помещики все равно заложили бы также эти души наравне с живыми, стало быть, казне убытку не может быть никакого.*

Стоит также обратить внимание, что при рассмотрении синонимической парадигмы с главным словом *конечно* в большинстве словарей синонимов русского языка значения достоверности и уверенности разведены: «Данному ряду принадлежит большой класс словоформ, содержащих разную степень достоверности и разную степень уверенности говорящего о некоем факте действительности».

Показательно употребление *конечно* при описании терзаемого противоречиями внутреннего состояния героя. Приведём переживания, тревожившие Чичикова после бала: *Главная досада была не на бал, а на то, что случилось ему оборваться, что он вдруг показался пред всеми бог знает в каком виде, что сыграл какую-то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши оком благоразумного человека, он видел, что все это вздор, что глупое слово ничего не значит, особливо теперь, когда главное дело уже обделано как следует. Но странен человек: его огорчало сильно нерасположение тех самых, которых он не уважал и насчет которых отзывался резко, понося их суетность и наряды.*

При сложившейся альтернативе «как должно быть» — «как утверждает действительная норма» преимущество остаётся за вторым.

Вводные конструкции со значением достоверности могут употребляться в качестве ответных реплик для выражения согласия, как синоним слова *да*: — *Смотрите на меня: я всегда покоен. Какие бы ни были возводимы на меня казусы, спокойствие мое непоколебимо. — Конечно, это первая вещь, — ответил Чичиков; — Поди вон, братец. Придешь после, — сказал генерал камердинеру. Усач удалился. — Конечно, ваше превосходительство...*

Таким образом, вводными конструкциями могут разграничиваться значения достоверности и уверенности, которые составляют семантическую основу данной подгруппы. Самой частой единицей в тексте поэмы Гоголя оказалось слово *конечно*. Общеупотребительное по своему характеру, оно в большинстве случаев способно заменять другие вводные конструкции со

схожей семантикой. Также основу группы категорической достоверности составляют следующие единицы: *разумеется, право, точно, без сомнения: Все, что ни было в передней, **разумеется**, в ту же минуту в струнку, ожидает, дрожит, ждет решения, в некотором роде, судьбы.*

На граничных позициях – разговорные и нечастые вводные конструкции *правда, действительно, в самом деле: – Нет, Павел Иванович, – сказал он, – уж если хотите знать умного человека, так у нас, **действительно**, есть один, о котором, точно, можно сказать: «умный человек», которого я и подметки не стою.*

2.2. Вводные конструкции с указанием на источник сообщения

Н. В. Гоголем в поэме «Мёртвые души» используются следующие вводные конструкции данной подгруппы: *по выражению (6), как выражаются (6), как называют (3), как говорят (5), как говорит пословица (4), по поверью (1), как говорится (11), по мнению (3), по суждению (1), по словам (7), как известно (12), по-моему (1), я полагаю (2), я думаю (5), как уже видели (3).* Общее количество – 70 словоупотреблений.

Использование данных вводных конструкций, согласно С. Г. Ильенко, так или иначе снижает степень достоверности независимо от того, подкрепляет ли говорящий, усиливает ли своё высказывание ссылкой на какой-либо источник, стремится ли таким образом снять с себя часть «ответственности» за сообщаемое, указывает ли на то, что содержащаяся в сообщении информация была получена от третьих лиц или же является внутренне переработанной и усвоенной самим говорящим посредством наблюдения или интуиции. *Дома были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым, **по мнению губернских архитекторов**; ...У которой ручки, **по словам его** (Ноздрёва), были самой субдительной сюперфлю; Ему хотелось заехать к Плюшкину, у которого, **по словам Собакевича**, люди умирали, как мухи; Ведь эти души, **я полагаю**, вы считаете со дня подачи последней ревизии?*

Как известно, Н. В. Гоголь был собирателем разнообразного языкового материала: пословиц, поговорок, афоризмов, слов, метких и ярких выражений, поверий, нестандартных для нормальной речи оборотов, звучащих, например, смешно или нелепо. И в тексте поэмы он – в речи автора-повествователя либо через персонажей – воспроизводит свой накопленный языковой «опыт», используя при этом вводные конструкции данной подгруппы. Можно сказать даже, что большая часть вводных компонентов поэмы со значением указания на источник сообщения служит в тексте произведения именно для этой цели. Таким образом, источником, на который ссылается автор, является языковое сознание и языковая картина русского народа. При этом автор в некоторых случаях указывает на конкретную (или же обобщённую) локацию, личность и на определённую бытийную сферу, к которой относится приводимое высказывание, но может также и не использовать подобного уточнения, и без которого читателю становится понятно, что «выражаются», «говорят» так именно где-то в Российском государстве: *Но таким ленивым и вялым голосом, как будто бы, по русскому выражению, натаскивал клещами на лошадь хомут; День, кажется, был заключен порцией ... и крепким сном во всю насосную завертку, как выражаются в иных местах обширного русского государства; У одного из восторжествовавших даже был вплоть сколот нос, по выражению бойцов, то есть весь разmozжен нос; ...Подходил к той и другой дробным мелким шагом, или, как говорят, семеня ножками; А он родился просто, как говорит пословица, ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца.*

Н. В. Гоголь является тонким наблюдателем особенностей русского быта, он подмечает также все нюансы социальной, политической, экономической жизни России. Свои наблюдения относительно различных фактов, событий, явлений он приводит в поэме в том числе и через вводную конструкцию *как известно*, которая вроде бы должна указывать на то, что информация, содержащаяся в высказывании является общественной

истинной. Но если эти сведения являются фактом, который можно ввести прямым текстом, то зачем же тогда необходим этот вводный компонент? Автору приходится преломлять свою мысль данным оборотом потому, что, во-первых, указанная истина могла оказаться недоступной взгляду одних людей, во-вторых, она по разным причинам могла оставаться скрытой от других, в-третьих, могла рассматриваться под другим углом, и наконец – на неё просто до этого никто не обращал внимания. То есть какое-либо наблюдение, замечание (в том числе и на счёт того, что что-то считается общеизвестным) становится, таким образом, мнением, которое разделяет автор и с которым может согласиться или не согласиться читатель: *Это, по-моему (ср., как известно), совершенно невинное достоинство приобрело, однако ж, ему много уважения со стороны трактирного слуги. Итак, «как известно» может оказаться либо не совсем известным, либо известным, но по-другому. Читателю представляется случай оценить точность (и часто тонкость) и справедливость того, что было подмечено автором. Стоит отметить, что многие высказывание с конструкцией как известно обладают афористическим характером: Без предварительного расположения, как известно, не может быть даже взята простая справка или выправка; В губернию назначен был новый генерал-губернатор — событие, как известно, приводящее чиновников в тревожное состояние; Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод; Первый враг есть близость губерний малороссийских, где, как известно, свободная продажа вина.*

Отдельным случаем использования данной вводной конструкции является ирония, с которой Гоголь относится к каким-либо устоявшимся положениям общественного мнения в той или иной среде: *А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главных предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык..., фортепьяно..., хозяйственная часть...*

Вводные конструкции с данным значением используется также как одно из средств диалога с читателем: *Жители города и без того, как уже мы видели в первой главе, душевно полюбили Чичикова; Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большою свободою.*

Симптоматично употребление конструкций данной подгруппы при описании событий (в несобственно-прямой речи). В таком случае следует говорить не о механическом их воспроизведение автором, а соответствующим логике динамическом, не перегруженном в синтаксическом плане повествовании. Сравним: *Посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих, что было уже ни на что не похоже, по выражению дам. – Посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих, и на что дамы тогда сказали, что это ни на что не похоже.*

Таким образом, включение в языковую ткань высказывания вводных конструкций, указывающих на источник сообщения, способствует выражению субъективного мнения, суждения, оценки, соответствует установке оказания определённого воздействия на адресата, а также предусматривает взаимодействие с ним.

2. 3. Вводные конструкции, указывающие на эмоциональную оценку сообщения

В тексте поэмы встретились следующие вводные компоненты со значением эмоциональной оценки: *жаль* (2), *к сожаленью* (4), *что еще хуже* (2), *(как) на беду* (5), *к изумлению* (2), *как нарочно* (3), *странное дело* (3), *к прискорбию* (1), *не дай бог* (1), *того и гляди* (1), *не ровен час* (1), *к досаде* (1) (*ещё*) *лучше* (2), *дай бог* (3), *к счастью* (2), *благо* (1). Общее количество – 34 словоупотребления.

Вводные конструкции данной группы показывают важность тех или иных ситуаций для субъекта речи и то, как он относится к происходящему.

Они используются как самим автором для выражения своей эмоциональной оценки относительно ситуации, так и способствуют передаче читателю чувств и эмоций героев произведения: *Потом отправился к вице-губернатору, потом был у прокурора, у председателя палаты, у полицеймейстера, у откупщика, у начальника над казенными фабриками... жаль, несколько трудно упомянуть всех сильных мира сего; Эх, братец, как покутили! Теперь даже, как вспомнишь... черт возьми! тебя, жаль, не было.*

Данные «вводно-эмоциональные» конструкции, как называет их П. А. Лекант, могут быть положительными и выражать, например, радость, одобрение, и отрицательными, имеющими при этом противоположную семантику. Вводные компоненты со значением удивления, изумления недоумения имеют при этом контекстуальную квалификативность. Стоит отметить, что в тексте поэмы наблюдается превалирующее в количественном отношении смещение на оси плохо/хорошо в отрицательную сторону: *На такую сумятицу успели, однако ж, собраться мужики из деревни, которая была, к счастью, неподалеку; Глаза же, как на беду, были маленькие, и потому протиранье их производилось необыкновенно долго.*

По словам Шаховского, употребление вводно-эмоциональных конструкций не полностью связано с собственно коммуникативными потребностями, а определяется в большей степени эмоциональным состоянием адресанта и степенью эмоциональности как определённой речевой ситуации так и всего социума конкретной языковой группы [Шаховский 1987: 61]. Анализ вводно-эмоциональных конструкций в тексте поэмы показал, что они способствуют акцентированию внимания читателя на тех моментах, в которых автор так или иначе выражает своё отношение к происходящему, они также помогают задать определённую тональность высказыванию, подсказывают, какой будет модель вербального взаимодействия: *Может быть, некоторые читатели назовут все это невероятным; автор тоже в угоду им готов бы назвать все это невероятным; но, как на беду, все именно произошло так, как*

рассказывается, и тем еще изумительнее, что город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц.

Если сравнивать эмоциональную и рациональную оценки, то, с учётом того, что оценка говорящим объекта или ситуации происходит в большей степени с индивидуальных позиций, можно говорить о приоритетной нацеленности на адресата именно первой. Автор, будучи уверенным в своей эмоциональной оценке высказывания, будучи убеждённым в её истинности, может этим поменять и эмоциональный фон адресата. Приведём пример: *В непродолжительном времени была принесена на стол рябиновка, имевшая, по словам Ноздрева, совершенный вкус сливок, но в которой, к изумлению, слышна была сивушища во всей своей силе.*

Здесь вводная конструкция *к изумлению* противопоставляет две части высказывания: в первой утверждается или предполагается какой-либо факт, а во второй по каким-либо причинам неожиданно обнаруживается прямо противоположное, «изумительное» для говорящего. Степень изумления может при этом уточняться: *Ну, уж после таких слов, произнесенных приятною дамою, должна была неминуемо последовать буря, но, к величайшему изумлению, обе дамы вдруг приутихли, и совершенно ничего не последовало.*

Следует разграничить оценку и эмотивность. Оценка – субъективное мнение говорящего. Её прагматика выражается формулой «знай, будь в курсе, полагай это хорошим или плохим». Эмотивность – это отношение субъекта к внешним фактам действительности с позиции своих чувств и эмоций. Ей свойственна градация: от синонимического ряда с доминантой одобрения до соответствующего ряда с антонимичной доминантой (отдельно стоит отметить иронию).

Таким образом, вводно-эмоциональные конструкции – это субъективное мнение говорящего, содержащее в себе положительную или отрицательную оценку с учётом возможных эмоциональных состояний. «Оценка как бы «впитывает» в себя соответствующую эмоцию, а параметры

эмоции и оценки совпадают: «приятное» – «хорошо», «неприятное» – «плохо». Коммуникативная установка, в которой используются данные конструкции, становится эмоционально окрашенной и определяется условиями речевой ситуации с учётом того, кому и для чего предназначена оценка высказывания.

Например, конструкции, встретившиеся в поэме: *как нарочно, как назло, как на беду*, говорят об отрицательном отношении к определённом факту действительности либо лицу, являющемуся причиной, в той или иной мере инициатором, события, не желательного для субъекта: *Случись же так, что, как нарочно, в то время, когда господа чиновники и без того находились в затруднительном положении, пришли к губернатору разом две бумаги; Всего больше доставалось от него его прежнему сотоварищу, которого считал он ниже себя и умом и способностями, и который, однако же, обогнал его и был уже генерал-губернатором двух губерний, и как нарочно тех, в которых находились его поместья, так что он очутился как бы в зависимости от него.*

При дополнительном употреблении с другими эмоциональными средствами вводно-эмоциональные конструкции усиливают общий эмоциональный заряд высказывания, а также могут подчеркнуть аффективное состояние говорящего: *Странное дело! оттого ли, что честолюбие уже так сильно было в них возбуждено; оттого ли, что в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: вперед! – это слово, производящее такие чудеса над русским человеком, то ли, другое ли, но юноша с самого начала искал только трудностей, алча действовать только там, где трудно, где нужно было показать большую силу души.*

Также с помощью конструкций данной группы говорящий может выразить извинение за своё высказывание, тем самым смягчив его категоричность: *Разговор сначала не клеился, но после дело пошло, и он начал даже получать форс, но... здесь, к величайшему прискорбию, надобно*

заметить, что люди степенные и занимающие важные должности как-то немного тяжеловаты в разговорах с дамами.

Примечательно использование в «Мёртвых душах» конструкций данной группы со словом *бог* с разными оттенками значения.

Надежда выражается конструкцией *дай бог*: – *Бессонница. Все поясница болит, и нога, что повыше косточки, так вот и ломит. – Пройдет, пройдет, матушка. На это нечего глядеть. – Дай бог, чтобы прошло.*

Опасение, нежелательность предполагаемого выражается конструкцией *не дай бог*: *Она видела, что дело, точно, как будто выгодно, да только уж слишком новое и небывалое; а потому начала сильно побаиваться, чтобы, не дай бог, не надул ее этот попущик.*

Вводно-эмоциональные конструкции *не ровен час*, *того и гляди* способны своим употреблением ввести неопределённость в высказывание с точки зрения его достоверности: *...Землишка маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает, как бы в кабак... того и гляди, пойдешь на старости лет по миру!; – На что ж вам расписка? – Все, знаете, лучше расписку. Не ровен час, все может случиться.*

Вводно-эмоциональные конструкции в высказывании могут употребляться в его начале: таким образом акцентируется внимание предполагаемого собеседника на последующей эмоциональной окрашенности высказывания. Говорящий, осознанно или нет воздействуя на адресата, подготавливает, настраивает его к этому воздействию. В других позициях их использование может показать быструю смену настроения на определённом моменте высказывания, либо сравнение каких-либо фактов, событий, например: *А! от Плюшкина. Он еще до сих пор прозябает на свете. Вот судьба, ведь какой был умнейший, богатейший человек! а теперь, к сожаленью...; Невидаль, что иная наvertsела на себя тысячу рублей! А ведь на счет же крестьянских оброков или, что еще хуже, на счет совести нашего брата.*

Примечательно использование вводных конструкций с положительной оценкой в негативных высказываниях как средство создания иронии: *Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится наконец к бабе, которая лечит зашептываньями и заплевками, или, **еще лучше**, выдумает сам какой-нибудь декохт из невесть какой дряни, которая, бог знает почему, вообразится ему именно средством против его болезни.*

Таким образом, коммуникативность проявляется не в предложении, а в высказывании, в котором отражаются позиции говорящего и слушающего, а также может появляться третье лицо – кто-то или что-то, о чём идёт речь. Прагматика эмоционального высказывания связана с личностью речепроизводителя, который посредством передачи своего взгляда, своей точки зрения, эмоциональной оценки на определённое явление действительности эффективно воздействует на адресата, взаимодействует с ним, используя при этом конкретные языковые единицы. Позиция говорящего определяется не только сложившейся его «психической или физиологической природой, но и отражает в себе сознание всего социума» [Маркелова 1996: 82].

Установленные прагматические особенности вводно-эмоциональных конструкций в поэме Гоголя «Мёртвые души» связаны: с отображением различной степени эмоций на оси плохо/хорошо, с выражением эмоционально непродолжительных (аффективных) всплесков эмоций говорящего, с дополнительным усилением уже имеющегося эмоционального фона высказывания, со смягчением его категоричности, со снижением степени достоверности сообщения.

Чаще используются в поэме вводно-эмоциональные конструкции с отрицательной коннотацией, чем положительно маркированные конструкции, что, по предположению, можно считать особенностью культуры и менталитета людей нашей страны на протяжении всего времени её существования.

Данные компоненты встречаются в прямой речи, но в большинстве своём эмоциональные состояния описываются извне – без «вживания» в мир эмоциональных движений, переживаний персонажей, с позиции всезнающего повествователя; либо относятся к его точке зрения – в авторских отступлениях. Поэтому примечательно отсутствие распространителей, указывающих на лицо: *мой, свой, его*.

2.4. Вводные конструкции со значением установления контакта

Одной из главных характеристик текста считается его коммуникативная направленность. Поэтому учёные, исследующие текст, говоря об этой особенности, выделяют в нём так называемую категорию адресации, вектор которой повёрнут на адресата, т. е., таким образом, определяется предназначённость высказывания слушателю. Данную коммуникативную ориентацию текста можно изобразить как «ось коммуникации Я-ТЫ» (по С. Г. Ильенко).

Вводным конструкциям присуще свойство диалогизации, поэтому они также могут быть представлены в реализации означенной оси коммуникации. Хотя, по нашему мнению, в категории адресации главными являются высказывания, содержащие в себе вопрос или побуждение, так как степень диалогичности у них намного выше, то есть установка на ответную реакцию адресата выражена в них более явно, чем у вводных конструкций. Однако их употребление позволяет обнаружить социальные, психологические установки говорящего, что максимально приближает нас к личности говорящего.

Вводные конструкции данной группы направлены на то, чтобы предопределить, как полно адресат воспримет ту или иную информацию, как эффективно он среагирует на последующее высказывание. Словом, они способствуют установлению, поддержанию, а также прекращению контакта между собеседниками. К тому же, отсутствие данных конструкций может

сделать сообщение внезапным, слушающий может быть не готов к нему и не воспримет произнесённую информацию или воспримет не полностью.

Установление контакта с адресатом в тексте поэмы Гоголя «Мёртвые души» сопровождается такими вводными конструкциями, как: *знаете (ли)* (8), *позвольте* (8), *помилуйте* (2), *верите (ли) / веришь (ли)* (7), *вообрази / вообразите* (4), *послушай / послушайте* (11), *слышь / слышишь* (3), *видите / видишь* (2), которые выступают здесь с общим контактоустанавливающим значением (суммарное количество – 45 единиц). В зависимости от речевой ситуации употребляется та или иная конструкция, содержащая определённую функционально-прагматическую особенность (данные единицы могут быть как моно-, так и полифункциональными), имеющая специфическую «семантическую расшифровку», которую интуитивно осознают носители языка, в связи с чем высказывания, включающие указанные единицы, легко интерпретируются говорящим и слушающим.

Вводный компонент *вообрази (вообразите)* употребляется в случае указания на нетипичность, необычность происходящего (интродуктивная функция). Удивительностью, странностью положения тем самым привлекается внимание адресата: ***Вообрази, в трех верстах от города стоял драгунский полк.***

Вводный компонент *(по)верите / (по)веришь (ли)* способен передать убеждённость адресату относительно истинности, верности высказывания: ***Веришь ли, я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского!***

Вводные компоненты *видите (видишь) / знаете (ли)* помогают внушить какие-либо мысли адресату и обладают в поэме широким функциональным разнообразием (интимизация, акцентуация; этикетная, персуазивная, аппелятивная функции): ***А знаете, Павел Иванович, как было бы в самом деле хорошо, если бы жить так вместе; Ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погребка, так мы, знаете ли, так закусим!; Все, знаете, лучше расписку; Видите ли, я вдруг постигнул ваш характер;***

Видишь ли, какая дрянь! Насилу дотащили, проклятые, я уже перелез вот в его бричку.

Вводный компонент *послушай(те) / слышь (слышите)* функционально значим в ситуации, когда необходимо привлечь внимание к информации, содержащейся во всём высказывании или его части, подчеркнуть или целенаправленно настоять на её важности; выполняет функцию хезитации; волюнтаривную и функцию смягчения: ***Послушай**, любезный! сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?; Вот барина нашего всякой уважает, потому что он, слышь ты, сполнял службу государскую; Да послушай, ты не понимаешь: ведь я с тебя возьму теперь всего только три тысячи...; **Послушайте**, матушка... эх, какие вы! что ж они могут стоить?; **Послушай**, братец: ну к черту Собакевича, поедem во мне!; **Послушайте**, любезные, я очень хорошо знаю, что все дела по крепостям находятся в одном месте...*

Вводные компоненты *позвольте, помилуйте* используются с целью обратить внимание на несогласие, возражение по поводу чего-либо и, таким образом, по поводу прерывания диалога. В примерах с данными компонентами в поэме наиболее ярко проявляется текстообразующая функция – переход от одной реплики, микротемы к другой: ***Помилуйте**, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суете!; Так вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вам продал по двугривенному ревизскую душу? – **Но позвольте**: зачем вы их называете ревизскими, ведь души-то самые давно уже умерли.*

Отдельно была проанализирована «Повесть о капитане Копейкине»: *можете представить (себе) (11), понимаете (15), можете вообразить (6), знаете (3)*. Рассказчик пропускает историю через собственное восприятие и сам до конца не уверен в её правдивости. На него устремлено пристальное внимание нескольких человек, но его речь неподготовлена, поэтому он пытается, осознанно или нет, сохранить, поддержать это внимание, используя при этом в том числе и вводные конструкции контакто-

устанавливающего характера. Примечательно, что сам Гоголь говорил, что «кусочек этот необходим не для связи событий, но для того, чтобы на миг отвлечь читателя, чтобы одно впечатление сменить другим...».

Из приведённых примеров следует, что вводно-фатические конструкции могут быть названы средством экспликации языковой личности. В поэме встречается два типа личности, первый из которых практически не употребляет данные единицы (в речи повествователя и в несобственно-прямой речи отсутствуют полностью), другой использует их часто, что становится заметной речевой особенностью. Так как Гоголь наделяет совершенно различных персонажей (кроме крестьян) одними и теми же конструкциями (что может говорить о том, что он считает эти конструкции общеупотребительными, либо, если сказать с осторожностью, они привычны для его собственной речи), то именно количественная, а не качественная характеристика представляет интерес. Так, почтмейстера можно охарактеризовать как человека с низким образовательным и культурным уровнем, без склонности к языковой рефлексии, хотя, по его словам, он любил «уснастить» свою речь разными «частицами». Однако ж, с большой долей уверенности можно сказать, что у него нет чёткого представления об уместности/неуместности фатических компонентов в той или иной ситуации речи: они не несут коммуникативно-прагматической нагрузки, являются «словами-паразитами», засоряющие речь, затрудняющими её восприятие. Манилов по данному признаку вкупе с общим его представлением видится как человек действительно образованный, вежливый, интеллигентный, тщательно соблюдающий правила речевого этикета, не допускающий категоричных высказываний. Чичиков же, в отличие от Манилова, специально создаёт свой речевой имидж: имея в своём репертуаре определённый вербальный комплекс, он осознанно использует те или иные языковые средства — в том числе и фатические единицы — в самых разнообразных ситуациях с общей целью оказания благоприятного впечатления. Для Собакевича же не характерна широкая палитра данных

компонентов: их введение явно обнаруживает его хитрость, своеобразную «вежливую» тактику при осуществлении выгодных для него дел. Суммирую все употребления, сам Гоголь подходит под тип личности, знакомый, владеющий разными подсистемами, способный «переключать» языковые регистры в зависимости от речевой ситуации; это человек, имеющий высокий образовательный и культурный уровень, склонный к саморефлексии и саморедактированию.

Таким образом, вводные конструкции с контактоустанавливающим значением направлены на собеседника, с тем чтобы обратить его внимание на сообщаемое, передать определённую позицию относительно приводимых фактов. Будучи коммуникативно-направленными, они являются компонентами высказывания и проявляются в эмоционально-диалогической речи. Единицы данной группы являются весьма существенными для эффективного процесса коммуникации, по причине наличия у них широкого коммуникативно-прагматического потенциала. Основная функция вводно-контактных конструкций связана с заложенной в них «семой контакта»: они необходимы для установления, поддержания и прерывания речевого контакта.

2.5. Метатекстовые вводные конструкции

Конструкции, входящие в данную группу, в целом отображают ход и логику мыслей в последовательности их развития, наделяют высказывание разнообразными связями и отношениями, устанавливают характер направления тема-рематического движения: от закрепления уже известного к новой информации. Другими словами, метатекстовые компоненты – это дополнительная смысловая надстройка относительно основной повествовательной (речевой) нити, которая отсылает к иному плану высказыванию (или к иному его фрагменту). В этой группе можно выделить следующие значения:

1. Выражение отношения к высказыванию с точки зрения его общности: *как водится* (5), *по обыкновению* (2), *по обычаю* (1), *как бывает* (1), *бывало* (3), *как случается / как может случиться* (3).

Вводные конструкции данной подгруппы определяют степень того, насколько приведённая в высказывании ситуация является обычной в зависимости от её повторяемости: единичные, нерегулярные, отличающиеся небольшой периодичностью случаи противопоставляются всецелой обобщённости, максимальной повторяемости, типичности ситуации. Гоголь, вводя читателя в своё повествовательное пространство, используя различные градационные оттенки общности, оценивает некоторые факты действительности с точки зрения их стереотипности, но без которых невозможно было бы достаточно полно составить картину «всей Руси»: *Несколько мужиков, по обыкновению, зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах; И что всего страннее, что только на одной Руси случается, он чрез несколько времени уже встречался опять с теми приятелями, которые его тузили, и встречался как ни в чем не бывало; По окончании игры спорили, как водится, довольно громко.*

В некоторых случаях с помощью вводно-обобщительных конструкций противопоставляется прошлое и настоящее: *Прежде, бывало, полтиной меди отделаешься да мешком муки.; Юбка вся собирается, как бывало в старину, вокруг фижмы.*

2. Выражение отношения к способу высказывания (комментирование): *словом* (32), *признаюсь / признаться сказать* (14), *так сказать* (5), *можно сказать* (4), *лучше (сказать)* (5), *с позволения сказать* (3). Общее количество – 63 словоупотребления.

Вводные конструкции данной подгруппы можно охарактеризовать как единицы, которые входят в текст в том месте, в котором, по тем или иным причинам, требуется оценка способа оформления, выражения мысли или же необходимо обозначить экспрессивный характер высказывания. Другими словами, они являются теми коммуникативными инструментами, с помощью

которых автор выражает оценочное отношение к используемым в своей речи языковым средствам посредством автокомментирования способов, манеры, стиля, приёмов их сообщения; они отражают характер мышления говорящего, указывают на степень его впечатления и рефлексии по поводу сказанного.

Наблюдается явное преобладание конструкции *словом* относительно объективного, сравнительно малого употребления в поэме вводных компонентов со значением выражение отношения к способу высказывания. Указанная преобладающая конструкция сигнализирует переключение на иной, обобщающий способ выражения сказанного, а также функционирует в качестве союзного средства между фразами: та часть, которая находится после компонента *словом*, является переформулировкой ранее изложенного, при этом смысл может быть эквивалентным либо изменённым. Частотное употребление вводной конструкции *словом* говорит о наклонности, стремлении автора к подведению промежуточных итогов: *И по плечу потреплет, и засмеется, и чаем напоит, пообещается и сам прийти поиграть в шашки ... и лекарство присоветует, — словом, молодец!; Потом был на вечере у вице-губернатора, на большом обеде у откупщика, на небольшом обеде у прокурора... Словом, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома.*

Так сказать, можно сказать, с позволения сказать — указывают на нестандартность высказывания, содержат в себе «извинение» за языковую вольность: *Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие или, чтоб еще более, так сказать, выразиться, негоция...; Вот уж, можно сказать, во всей форме кутила; Все что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп!*

Лучше сказать — указывает на то, что говорящий, конкретизируя или оговариваясь, отдаёт предпочтение более точному, ясному способу выражения при формировании своего высказывания: *Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого*

чтения; Чичиков так занялся разговорами с дамами, или, **лучше**, дамы так заняли и закружили его своими разговорами.; Признаюсь, признаться сказать – являются модально-, экспрессивно-окрашенными, содержат сему «правдивости» и, таким образом, смягчают высказывание, устраняют противоречие относительно нежелательной, с точки зрения говорящего, необходимости говорить правду: *Я давненько не вижу гостей, да, **признаться сказать**, в них мало вижу проку; Я не привез вам гостинца, потому что, **признаюсь**, не знал даже, живете ли вы на свете.*

3. Установление различных отношений между частями высказывания: *впрочем* (46), *однако ж* (48), *напротив* (7), *воля ваша* (2), *как бы то ни было* (2), *например* (11), *наконец* (9), *с одной стороны...с другой стороны* (2), *итак* (10), *стало быть* (9), *таким образом* (2). Общее количество – 148 словоупотреблений.

Данные вводные конструкции достаточно часто используются в «Мёртвых душах». Это можно объяснить общим характером прозаических произведений, которым в большей мере присуща необходимость в объективном и последовательном выражении мыслей. С другой стороны, в отличие от научного стиля, широкое их использование в художественном тексте, связанное, несомненно, со сложностью и многомерностью художественного пространства, с трудностью, с которой сталкивается автор, при попытке учесть и передать всё многообразие аспектов и оттенков, формирующих как отдельное высказывание, так и общую композиционную линию, придаёт изложению хаотичность, затрудняет его восприятие. Тем не менее, передающиеся таким образом тонкости составляют ценность произведения.

1) Альтернативно-противительные вводные конструкции: *впрочем, однако ж, напротив, с одной стороны ... с другой стороны, воля ваша, как бы то ни было*. Обращает на себя внимание использование большинства данных конструкций преимущественно в авторской речи. Н. В. Гоголь, возможно, рассматривал их как средства мыслительной сферы, а

следовательно, присущие монологической речи (размышление, повествование): события, явления рассматриваются всесторонне, многоаспектно, с точки зрения диалектичности; конкретная ситуация выходит на первый план, «застывает» – в целях глубокого отображения её сути: <...> на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, какие читатель, верно, никогда не видывал. Подобная игра природы, **впрочем**, случается на разных исторических картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию, иной раз даже нашими вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии по совету везших их курьеров; Мнения были всякого рода: были такие, которые уже чересчур отзывались военною жестокостью и строгостию; были, **однако же**, и такие, которые дышали кротостию; Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни тоненькие, которые всё увивались около дам <...> Другой род мужчин составляли толстые или такие же, как Чичиков, то есть не так чтобы слишком толстые, однако ж и не тонкие. Эти, **напротив** того, косились и пяtilись от дам и посматривали только по сторонам...

Употребление большинства конструкций с данным значением в коммуникативной сфере, то есть в диалоге (что, вероятно, является следствием «привычки» Гоголя), делает речь тяжеловесной и малоэкономной, так как (что видно из примеров) предполагает развёрнутое синтаксическое построение высказывания в форме двух частей с противительными отношениями между ними. Однако здесь они являются более «динамичными»: предыдущее высказывание о ситуации, доводы остаются позади, актуальным становится сообщение новой информации: – Конечно, всякий человек не без слабостей, но зато губернатор какой превосходный человек! – Первый разбойник в мире! – Как, губернатор разбойник? <...> **Впрочем**, что до меня, мне, признаюсь, более всех нравится полицеймейстер; – Вы, матушка, или не хотите понимать слов моих, или так нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вам даю

деньги: *пятнадцать рублей ассигнациями. Понимаете ли? Ведь это деньги. Вы их не сыщете на улице. Ну, **однако ж**, признайтесь, почему продали мед?; – Вот уже во второй раз я все слышу про эти мертвые души. <...> – Но только, **воля ваша**, здесь не мертвые души, здесь скрывается что-то другое.*

2) Вводные конструкции со значением обобщения, заключения, следствия, вывода: *итак, таким образом, стало быть*, которые В. В. Виноградов относил к гибридным, однако мы считаем, что данные значения они выражают более конкретно, ясно, – словом, полновеснее, чем аналогичные союзы и слова.

Интересно, что при явной сдержанности в употреблении данных конструкций в поэме, Гоголь не использует одну из самых распространенных – *значит*. Компонент *таким образом* встречается всего два раза, и на его место встаёт синонимичное разговорное *стало быть*: *Чичиков смекнул и сам, что начал уже слишком развязываться, попросил экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками... **Таким образом**, уже на прокурорских дрожках доехал он к себе в гостиницу...; Но так как все же он был человек военный, **стало быть**, не знал всех тонкостей гражданских проделок <...>.*

Отдельно стоит рассмотреть употребление компонента *итак*, включающего в себя дополнительную сему обобщения. *Итак* выступает как один из стандартных организующих элементов повествования, он не является взаимозаменяемым с другими конструкциями в середине высказывания и, часто, в его начале. В тексте поэмы данное слово малоупотребительно, но встречается и в авторской речи, и в речи персонажей: *Не раз давно уже он говорил со вздохом: «Вот бы куда перебраться (в таможеню): и граница близко, и просвещенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!» <...> **Итак**, он давно бы хотел в таможеню, но удерживали текущие разные выгоды по*

строительной комиссии...; **Итак**, – сказал председатель, когда все было кончено, – остается теперь только вспрыснуть покупочку.

Его использование подтверждает указанную склонность автора к подведению промежуточных итогов, к обозначению этапов повествования. Установленный комплементарный характер говорит о неосознанном применении. Поэтому симптоматично наличие нестандартной функции у рассматриваемого компонента *итак*: своеобразный маркер возврата к основному повествованию (проблеме) после отступления (отвлечения): <...> *Но как ни прискорбно то и другое, а все, однако ж, нужно возвратиться к герою. Итак, отдавши нужные приказания еще с вечера, проснувшись поутру очень рано...*

3) Вводные конструкции, устанавливающие отношения перечисления. Своеобразие состоит в использовании в тексте поэмы лишь одного компонента (и лишь в авторской речи) *наконец*, который является итоговым, завершающим перечислительный ряд: <...> *пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник, <...> скрестившиеся листья и сучья, и, наконец, молодая ветвь клена...* Данный компонент может замыкать восходящую градационную линию высказывания: *Ему не собрать народных рукоплесканий, ему не зреть признательных слез, <...> ему не избежать, наконец, от современного суда...* В некоторых случаях по своей семантике сближается с частицей даже: *Искал на ком бы выместить свою досаду, например на слуге, на чиновнике... на жене или, наконец, на стуле.*

4) Вводные конструкции акцентирующее-иллюстративного типа представлены одним компонентом *например* и встречаются как в авторской речи, так и в прямой. Вводимая им информация является уточняющей относительно основной мысли высказывания и посредством выделения частного из общего, методом иллюстрации способствуют лучшему пониманию сути, которую пытается донести автор сообщения: *Одни глаза их такое бесконечное государство <...> Ну попробуй, например, рассказать один блеск их...; – Тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде, духовное*

наслаждение... Вот как, *например*, теперь, когда случай мне доставил счастье, можно сказать образцовое, говорить с вами. В некоторых случаях функция слова *например* сводится к смягчению высказывания, к его «осторожному» введению: *Так нельзя ли, например, кончить дело сегодня!*

Таким образом, данные вводно-союзные конструкции, не выражая модусных смыслов, выступают в художественном тексте как средства, устанавливающие различные виды связи между фразами и обеспечивающие композиционно-смысловое членение информации в тексте и его общую связность; как необходимые для адресата акцентирующие-ориентирующие средства, и вместе с тем демонстрирующие способы мышления автора высказывания. Среди учёных существует мнение, что основной их функцией (с указанием на то, что они продолжают оставаться вводными словами) является функция «текстового союза». Собственно вводно-модальные слова, а также некоторые конструкции выражения отношения к собственному высказыванию, также могут выражать различные союзные отношения, но «союзная функция для них является не основной, а вторичной» [Алгазина 1994: 13].

Подводя итог, скажем, что рассмотренные метатекстовые вводные конструкции, встречающиеся в поэме, делятся на подгруппы и, в зависимости от функционального назначения, выражают отношение говорящего к степени общности излагаемой информации, осуществляют комментарий способа выражения мысли, соединяют и наделяют разнообразными отношениями различные части текста. Компоненты данной группы нацелены на адресата, при этом говорящий использует их, опираясь на предполагаемые потребности, возможности своего слушателя (оправдывая, таким образом, своё авторское речевое поведение). Кроме того, они выступают как инструменты создания стилистической тональности.

Выводы по второй главе

Функционально-семантическая и прагматическая специфика употребления вводных конструкций может определяться типом дискурса.

Художественный стиль – это особый стиль, объединяющий в себе коммуникативную и эстетическую языковые функции, обладающий воздействующим свойством. Он отмечается практичным использованием и трансформацией элементов других стилей, и потому неограниченным применением разнообразных языковых средств и конструкций, в том числе и синтаксических, к которым относятся и вводные компоненты. Художественный текст как законченное речевое произведение в большой степени наделён субъективностью, то есть любое художественное произведение – это субъективная авторская переработка действительного мира, а значит, что стиль художественной литературы – это индивидуализированный стиль, в котором так или иначе проявляется почерк писателя, его индивидуальный художественный слог, чему способствует использование вводных компонентов – одного из средств выражения субъективной модальности.

Таким образом, вводные конструкции отражают основные характерные черты художественного стиля, позволяют отобразить ту точку зрения автора, с которой он ведёт повествование.

Вводные конструкции, входящие в состав той или иной функционально-семантической группы, вводят в текст поэмы Н. В. Гоголя разноплановую информацию: утвердительную, положительную, отрицательную, «свою» или «чужую» и т.д. В зависимости от контекста у вводных компонентов могут проявляться дополнительные оттенки значений и, таким образом, расширяется их функциональность. В некоторых случаях этому также способствуют вспомогательные синтаксические или лексические средства, а также характер занимаемой позиции.

Использование вводных конструкций, во-первых, определяется функциональными потребностями, т.е. они являются так или иначе необходимыми (или обязательными) в коммуникативно-прагматическом плане, во вторых – соответствует определённой художественной задаче, в

третьих – не исключается собственно авторское их употребление, определяющееся индивидуальным стилем писателя.

В тексте поэмы вводные конструкции встречаются достаточно часто и в целом представлены широким кругом значений, которые подразделяются на группы. Количественное соотношение этих групп различно (что может объясняться указанными выше особенностями), а внутренняя частотность отдельных единиц, в свою очередь, может зависеть от их семантики, стилистической окрашенности, стандартизированного контекста и характера употребления.

Основное внимание при анализе текста поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» было уделено преобладающим в ней вводным конструкциям со значением достоверности/недостоверности высказывания, которые в целом составляют ядро выражения модальности и могут быть рассмотрены на оси с утвердительно-отрицательными символами «да-может быть-нет», а также в контексте ориентации на определённую коммуникативную сферу. Общее их количество – 42%, которые, в свою очередь, разбиваются на подгруппы. К вводным конструкциям достоверности Гоголь обращается реже (92 из 275 употреблений данной группы): недостоверность (неуверенность), можно сказать, является основой произведения. К ним также примыкают вводные конструкции, указывающие на источник сообщения (11%), которые так или иначе снижают степень достоверности. Большой процент употребления конструкций данной группы относительно других может свидетельствовать о большей в них потребности: модальная оценка достоверности/недостоверности позволяет показать отношение к явлениям, событиям, персонажам, обозначить характер собственных мнений, колебаний; контекст помогает проявить интенции, мотивации, установки субъекта речи. Главная, основная функция вводно-модальных конструкций – оценка информации с точки зрения достоверности. Неосновные функции связаны с актуализацией фигуры говорящего при возможной полной или частичной нейтрализации основного значения, осложнении его добавочными семантическими

оттенками. Поэтому модификаторы категорической и проблематической достоверности различны не только по значениям, но и по функциям и ситуациям, в которых они используются. В общем, вводные компоненты проблематической достоверности акцентируют вероятность, категорической – уверенность, их употребление не спонтанно, а соответствует определённым факторам (полнота и характер знания, его оценка, различные интенции говорящего).

Вводные конструкции, выражающие эмоциональную оценку сообщения, составляют 5%, причём чаще в поэме используются вводно-эмоциональные компоненты с отрицательной коннотацией, чем положительно маркированные единицы. Спорным остаётся вопрос об их статусе: рассматривать ли их в качестве вводных, обнаруживающих модальное отношение говорящего, или же считать оборотами-усложнителями простого предложения, указывающие на причинно-следственные отношения и сближающиеся с первыми только пунктуационной традицией.

Контактоустанавливающие вводные компоненты встречаются в 7% случаев. Они представлены глагольными формами с частично или полностью стёртыми основными лексическими значениями, но в которых заложена «сема контакта». Эти компоненты называют также фатическими: они направлены на собеседника, с тем чтобы обратить его внимание на говорящего, на сообщаемое, передать определённую позицию относительно приводимых фактов, вызвать реакцию. Будучи коммуникативно-направленными, усиливающими адресованность, они являются компонентами высказывания и проявляются в эмоционально-диалогической речи. Их полифункциональность проявляется в контексте: помимо основной функции, а также частных случаев репрезентации различных модальных смыслов, вводно-контактные элементы присуща текстообразующая функция и способность экспликации языковой личности.

Следующие группы вводных конструкций во многих работах объединяются и рассматриваются как метатекстовые. Компоненты, указывающие на отношения между частями высказывания – составляют 23%. Частое их использование отражает необходимость в объективном и последовательном выражении мыслей и в целом характерно для прозаических произведений. Считается, что основная их функция – союзная. Таким образом, они не выражают модусных смыслов, но при этом устанавливают различные виды связи в межфразовых и сверхфразовых единствах, обеспечивая при этом композиционно-смысловое членение информации в тексте и его общую связность; отображают способы мышления автора, а для адресата выступают как акцентирующие-ориентирующие маркеры.

Выражение отношения к способу высказывания (комментирование): 10%. Данные вводные компоненты являются теми коммуникативными инструментами, с помощью которых автор выражает оценочное отношение к используемым в своей речи языковым средствам посредством автокомментирования способов, манеры, стиля, приёмов (аргументация, разъяснение, оговорка) их сообщения; они отражают характер мышления говорящего, точку зрения, указывают на степень его впечатления и рефлексии по поводу сказанного.

Выражение отношения к высказыванию с точки зрения его общности – является самой малочисленной группой (2%), и которая может быть сокращена, если рассматривать конструкции типа «как обычно происходит на Руси» как вставные. Можно также добавить, что данные компоненты у Гоголя в некоторой степени сходны по характеру употребления в поэме с конструкциями, указывающими на источник сообщения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В науке в течение продолжительного времени изучаются и решаются вопросы, связанные с проблемой вводности в языке, с определением синтаксического статуса, происхождения вводных конструкций. Осуществлённый обзор собственно лингвистической, а также учебной литературы позволяет говорить о разных этапах и различных подходах в исследовании данного явления. Наименее изученными остаются семантическая сторона, роли в высказывании, возможности актуализации, особенности функционирования в тексте вводных компонентов. На примере художественного произведения представляется возможным не только всесторонне рассмотреть явление вводности, но и, сосредоточившись на творческом наследии одного писателя – в нашем случае Н. В. Гоголя, – подробнее изучить его синтаксис, а именно – выявить специфику использования вводных конструкций, которые наряду с другими языковыми единицами составляют основу идиостиля автора.

Основным, обобщённым значением вводных компонентов выступает выражение отношения автора высказывания к его содержанию. Данное значение расширяется, уточняется и тем самым распадается – проявляются более частные его случаи, входящие в определённую функционально-семантическую группу.

С опорой на классификацию, приведённую в трудах С. Г. Ильенко, был произведён анализ употребления вводных конструкций в функционально-семантическом аспекте с последующими выводами: поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души» насыщена данными компонентами (мы проанализировали 650 словоупотреблений), представленными в ней широким кругом значений. Принадлежащие тому или иному разряду, они вводят в текст информацию различного характера; определённый контекст – в котором также могут присутствовать дополнительные синтаксические или лексические средства, – проявляет семантические оттенки и расширяет набор функций вводных компонентов. Неравномерное процентное соотношение групп может в

некоторой степени объясняться конкретными коммуникативно-прагматическими и художественными задачами, а также идиостилем писателя. Выбор единицы из синонимического ряда, а следовательно, её частотность внутри группы может определяться, кроме семантики и авторского предпочтения, стилистической окрашенностью и стандартизированным контекстом. В тексте поэмы доминируют вводные конструкции со значением достоверности/недостоверности высказывания.

Вводные конструкции являются важными элементами, обеспечивающими коммуникативную целостность текста: относительно основного высказывания они функционируют в роли уточняющего, поясняющего, дополняющего, подтверждающего, предполагающего, контактоустанавливающего и др. элементов, продвигая высказывание от данного, известного к новому, неизвестному. С точки зрения смысловой целостности их вклад обуславливает создание модальной рамки текста, наполнение её разнообразными смыслами за счёт актуализации содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации. В плане структурного оформления текста вводные конструкции выступают как меж- и сверхфразовые соединительные элементы, способные указывать на смену микротем, устанавливать анафорические и катафорические контекстные связи.

Коммуникативный подход в изучении вводных конструкций раскрывает глубинные характеристики их сущности, позволяет – для лучшего восприятия этих характеристик – создать наиболее оптимальную функционально-семантическую классификацию. Данный подход представляет возможным в различных речевых ситуациях проследить практическое и практичное применение вводных конструкций в зависимости от мотивов и цели высказывания. Для этого вводятся понятия адресанта (говорящего, автора), адресата (слушающего, читателя) и объединяющей их коммуникативной ситуации. Методические рекомендации, связанные с рассмотрением понятия вводности в коммуникативном аспекте, способствуют предвосхищению и минимизации трудностей при изучении данной темы,

позволяют сформировать умение наиболее эффективного использования вводных компонентов, глубже раскрыть их роль в речевом общении.

Обучающимся необходимо научиться правильно использовать вводные конструкции согласно своим намерениям при выражении отношения к высказываемой мысли. Несообразное, неумелое, неуместное употребление данных средств перегружает речь, негативно влияет на её чистоту, правильность и выразительность. Вводные компоненты также выступают в роли связующих элементов в тексте, поэтому важно обучить грамотному, логически-стройному формированию высказывания, что может пригодиться, например, при составлении ответа, содержащего рассуждение или доказательство, и что в целом необходимо на занятиях по большинству учебных предметов.

Таким образом, учитель, приступая к работе по изучению вводных конструкций, своей первоочередной задачей должен определить обучение школьников употреблению данных единиц согласно речевой ситуации и с учётом функционального стиля – что является одним из основных коммуникативных навыков, а также развивает мышление и способствует связному и логическому построению речи.

Нами был разработан комплекс упражнений, который позволяет сформировать умения и навыки, связанные с использованием вводных конструкций. Материалом для заданий послужили контексты из произведения Н. В. Гоголя «Мёртвые души».

Итак, вводные конструкции как одно из синтаксических средств выражения субъективной модальности, будучи вплетёнными в текстовую ткань произведения, отражают основные характерные черты художественного текста (коммуникативность, субъективность, эстетичность), позволяют отобразить ту точку зрения автора, с которой он ведёт повествование; являются элементами формирования смысловой и структурной целостности текста. В речи специфичность вводных конструкций состоит в том, что они, сообразно интенции говорящего, позволяют не только

выразить отношение к сообщаемому, но и придать этому выражению разнообразные смысловые оттенки для возможного эффективного взаимодействия со слушающим и воздействия на него; тем самым они характеризуют языковую личность автора.

Данная работа соприкасается с понятием идиостиля – индивидуального авторского набора средств и способов выражения: выбор, частотность и характер употребления вводных конструкций принимается как объективная его характеристика. Для полноты исследования видится необходимым дальнейшее изучение творчества Н. В. Гоголя для точного количественного и качественного определения регулярности и стабильности вводных компонентов различных групп и в целях установления того, зависят, меняются ли эти параметры от жанра, содержания, композиции, типа повествования, идейности конкретного художественного произведения. Любопытным представляется наблюдение и выявление характерных авторских приёмов и частоты использования вводных единиц относительно стилевой принадлежности языкового материала, а также сравнение этих показателей с текстами других писателей.

Актуальным остаётся вопрос о степени осознанности употребления рассматриваемых компонентов, о скрытой или явной прагматике. Считается, что они не имеют статус собственно художественного средства, выбираются и применяются в большинстве своём неосознанно, т. е. не выступают как объект приложения речемыслительных усилий, как, например, лексика (но и не так, как служебные слова). Поэтому при интерпретации цифр, свидетельствующих о преимущественном использовании тех или иных вводных конструкций с определённым значением, возможна некоторая субъективность истолкования. Так или иначе, данное синтаксическое средство может проявить, «воссоздать» мотивации, психологические особенности, интенции, вкусы, внутренний мир, пристрастия, привычки писателя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алгазина Т. С. Вводно-союзные компоненты в структуре предложения и текста: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 202 с.
2. Алёшина Э.Э. Обучение иностранных учащихся употреблению вводных конструкций в русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 13.00.02/Эльвира Эдуардовна Алёшина. – СПб, 2008. – 18 с.
3. Аникин А. И. Вводные сочетания слов в современном русском языке (образованные на основе имен) // Учен. зап. МГПИ. – М.: Изд-во МГПИ, 1960. – 148 с.
4. Бабайцева В. В. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
5. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003 – 416 с.
6. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8 Лингвистика текста. М., 1978. С. 402-421.
7. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53-87.
8. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 276 с.
9. Волкова Л. Г. Фатическая функция и синтаксические средства ее реализации...: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 1998. – 19 с.
10. Ганич Д. И. Вводные слова и их место в системе выражения модальных значений // Учен. зап. Запорожского гос. пед. ин-та. – Запорожье, 1957. – Т. 4. – С. 183-201.
11. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. – М., Просвещение, 1973. – 350 с.

12. Григорян А. П. Проблемы художественного стиля. – Ереван, 1969. – 154 с.
13. Долинин К. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985. – 215 с.
14. Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. – Санкт-Петербург, 2009. – 398 с.
15. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 356 с.
16. Кустова Г. И. Синтаксис современного русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Г. И. Кустова, К. И. Мишина, В. А. Федосеев. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.
17. Лекант П. А. Коммуникативно-прагматическая категория вводности. // Вопросы лингвистики. Межвузовский сборник научных трудов. – М. 1998. – С. 3-5.
18. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.
19. Ляпон М. В. Вводные слова; Вставная конструкция / М. В. Ляпон // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1986. – С. 39 – 49.
20. Маркелова Т. В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т. В. Маркелова // Филологические науки. – 1996. – №1. – С. 80-89.
21. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 388 с.
22. Миронова Т. Г. К вопросу о членимости модальных слов в современном русском языке // Учен. Зап. Ташкентского гос. пед ин-та. – Ташкент, 1975. – Т. 143. – С. 418-423.
23. Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968. – 208 с.

24. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). – М., 1996. – 405 с.
25. Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. – 333 с.
26. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
27. Пищальникова В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. – Барнаул, 1992. – 101 с.
28. Прияткина А. Ф. Русский язык. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.
29. Розенталь, Д. Э. Вводные и вставные конструкции /Д. Э. Розенталь // Современный русский язык. Ч.2. Морфология. Синтаксис / Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. – М., 1961. – С. 510 – 513.
30. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высш. школа, 1968. – 320 с.
31. Русская грамматика. Том II. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 710 с.
32. Синтаксис современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. – СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2009. – 346 с.
33. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учеб. пособие. – 5-е изд., стер. – М.: Флинта, 2018. – 320 с.
34. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин, Е. Е. Корди, Г. Г. Сильницкий, В. С. Храковский, С. Н. Цейтлин, М. А. Шелякин; под ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
35. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. – 291 с.
36. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. – 398 с.

37. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова; редакция и комментарии проф. Е. С. Истриной. 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

38. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1987. – 192 с.

39. Штокмар М. П. Анализ языка и стиля как средство атрибуции // Вопросы текстологии, 1960. – С. 136-137.

СЛОВАРИ

40. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940. (4 т.)

41. Остроумова О. А., Фрамполь О. Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений: опыт словаря-справочника. М.: Изд-во СГУ, 2009. – 501 с.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

42. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в семи томах, т. 5, ИХЛ, М. 1967 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Microsoft Office Word. – URL: https://royallib.com/get/rtf/gogol_nikolay/mertvie_dushi.zip (дата обращения: 01.03.2020).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Система упражнений по теме «Вводные конструкции в тексте поэмы

Н. В. Гоголя “Мёртвые души”»

Задание 1. Отметьте предложение, осложнённое вводной(-ми) конструкцией (-ями) (знаки препинания расставлены частично).

1. Надворные советники может быть и познакомятся с ним, но те, которые подобрались уже к чинам генеральским, те бог весть может быть даже бросят один из тех презрительных взглядов, которые бросаются гордо человеком на все, что ни пресмыкается у ног его, или что еще хуже может быть пройдут убийственным для автора невниманием.

2. Чичиков согласился с этим совершенно прибавивши, что ничего не может быть приятнее как жить в уединенье, наслаждаться зрелищем природы и почитать иногда какую-нибудь книгу.

3. Чичиков в качестве поверенного, прежде расположивши всех (без предварительного расположения не может быть даже взята простая справка или выправка, все же хоть по бутылке мадеры придется влить во всякую глотку)

4. Родственники родственниками но отчасти, и для самого себя; потому что не говоря уже о пользе которая может быть в геморроидальном отношении, одно уже то, чтоб увидеть свет, коловращенье люден...

Ответ: 1

Задание 2. В каких предложениях отсутствуют вводные конструкции (знаки препинания расставлены частично)?

1. Собравшись у полицеймейстера уже известного читателям отца и благодетеля города чиновники имели случай заметить друг другу, что они даже похудели от этих забот и тревог.

2. На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность казалось чересчур было передано сахару.

3. Англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и под собакой разумеется Наполеон.

4. Пока продолжались разговоры начали мало-помалу появляться свидетели: знакомый читателю прокурор-моргун, инспектор врачебной управы, Трухачевский, Бегушкин и прочие по словам Собакевича даром бременящие землю.

Ответ: 1, 3

Задание 3. *Отметьте предложение, осложнённое вводной конструкцией, обозначающей степень достоверности сообщения.*

1. Так представьте себе его положение: тут, с одной стороны, так сказать, семга и арбуз, а с другой стороны – ему подносят горькое блюдо под названием «завтра».

2. Так как разговор, который путешественники вели между собою, был не очень интересен для читателя, то сделаем лучше, если скажем что-нибудь о самом Ноздре, которому, может быть, доведется сыграть не вовсе последнюю роль в нашей поэме.

3. Итак, читатели не должны негодовать на автора, если лица, доныне являвшиеся, не пришлись по его вкусу; это вина Чичикова, здесь он полный хозяин, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться.

4. Сухощавый и длинный дядя Митяй с рыжей бородой взобрался на коренного коня и сделался похожим на деревенскую колокольню, или, лучше, на крючок, которым достают воду в колодцах.

Ответ: 2

Задание 4. *Отметьте предложение, осложнённое вводной конструкцией, выражающей эмоциональную оценку сообщения.*

1. Как бы то ни было, цель человека все еще не определена, если он не стал наконец твердой стопою на прочное основание.

2. К сожалению, все это известно автору, и при всем том он не может взять в герои добродетельного человека.

3. Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии.

4. Но позвольте, однако же, заметить: поступки его совершенно не такие, напротив, скорее даже мягкости в нем много.

Ответ: 2

Задание 5. *Отметьте предложение, осложнённое вводной конструкцией, называющей источник сообщения.*

1. Наконец остались только два (окна), из которых одно, как уже видел читатель, было заклеено бумагою.

2. Председатель никак не мог понять, как Павел Иванович, так хорошо и, можно сказать, тонко разумевший игру, мог сделать подобные ошибки.

3. Все у них скоро приняло живой определенный вид, облеклось в ясные и очевидные формы, объяснилось, очистилось, одним словом, вышла оконченная картинка.

4. В гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма недешево.

Ответ: 1

Задание 6. *Отметьте предложение, осложнённое вводной конструкцией, называющей способ выражения мысли.*

1. Представлялось ему даже и то, что недурно бы и к чину некоторое прибавление: статский советник, например, чин почтенный и уважительный.

2. Вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит: «Ведь я тоже человек, стало быть, я тоже глуп».

3. Чичиков так занялся разговорами с дамами, или, лучше, дамы так заняли и закружили его своими разговорами, что он позабыл исполнить долг приличия и подойти прежде всего к хозяйке.

4. Уж если хотите знать умного человека, так у нас, действительно, есть один, о котором, точно, можно сказать: «умный человек».

Ответ: 3

Задание 7. *Отметьте предложение, осложнённое вводной конструкцией, называющей степень общности излагаемых фактов.*

1. Разговаривая почасту с дворовыми людьми, он, между прочим, от них разведал, что барин ездил прежде довольно нередко к соседу генералу.

2. Иной, например, даже человек в чинах, с благородною наружностью, смотришь, тут же, пред вашими глазами, и нагадит вам.

3. Около четверти часа с лишком провозился он с кузнецами, покамест сладил, потому что кузнецы, как водится, были отъявленные подлецы.

4. Хозяйка вышла с тем чтобы привести в исполнение мысль насчет загнутия пирога и, вероятно, пополнить её другими произведениями домашней пекарни.

Ответ: 3

Задание 8. *Отметьте предложение, осложнённое вводной конструкцией, выражающей отношения между частями высказывания.*

1. Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать.

2. Да вот теперь у тебя под властью мужики: ты с ними в ладу и, конечно, их не обидишь, потому что они твои.

3. Все те, которые прекратили давно уже всякие знакомства и знали только, как выражаются, с помещиками Завалишиным да Полежаевым.

4. Вообще говоря, он любил первенствовать, любил фимиам, любил блеснуть и похвастаться умом, любил знать то, чего другие не знают, и не любил тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не знает.

Ответ: 1

Задание 9. Установите соответствие между предложениями и значением вводных слов, содержащихся в нём.

1. Но, как на беду, все именно произошло так, как рассказывается, и тем еще изумительнее, что город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц.

2. Он с чрезвычайною точностью расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, – словом, не пропустил ни одного значительного чиновника.

3. Зодчий был педант и хотел симметрии, хозяин — удобства и, как видно, вследствие того заколотил на одной стороне все отвечающие окна и провертел на место их одно маленькое.

4. Несколько мужиков, по обыкновению, зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах.

5. Поверите ли, ваше превосходительство, как сказал он мне: «Продай мёртвых душ», – я так и лопнул со смеха.

6. Посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих, что было уже ни на что не похоже, по выражению дам.

А. Выражение оценки степени достоверности сообщаемого.

Б. Указание на источник сообщения.

В. Указание на отношения между частями высказывания.

Г. Указание на способ выражения мысли.

Д. Указание на степень общности излагаемых фактов.

Е. Установление контакта.

Ж. Выражение эмоциональной оценки сообщения.

Ответ: 1 – В, Ж; 2 – Г; 3 – А; 4 – Д; 5 – Е; 6 – Б.

Задание 10. В каких предложениях на месте пропусков должны стоять запятые?

1. Дело_ казалось бы_ обделано было кругло, но чиновники, неизвестно почему, стали думать, что_ верно_ об этих мертвых душах идет теперь дело.

2. Мы тотчас в ознаменование такого похвального поступка задаем обед всем первым сановникам города_ разумеется_ на половину всех пожертвованных сумм.

3. Вот как_ например_ теперь, когда случай мне доставил счастье_ можно сказать_ образцовое, говорить с вами.

4. Один говорил, что Чичиков делатель государственных ассигнаций, и потом сам прибавлял: а_ может быть, и не делатель.

Ответ: 1, 2

Прочитайте текст и выполните Задания 11– 13.

1). Копейкин мой всталился кое-как с своей деревяшкой в приемную (1) прижался там в уголку себе (2) чтобы не толкнуть локтем (3) **можете себе представить** (4) какую-нибудь Америку или Индию – раззолоченную (5) **понимаете** (6) фарфоровую вазу эдакую. 2). Ну (7) **разумеется** (8) он настоялся там вдоволь (9) потому что (10) **можете представить себе** (11) пришел еще в такое время (12) когда генерал в некотором роде едва поднялся с постели и камердинер (13) **может быть** (14) поднес ему какую-нибудь серебряную лоханку для разных (15) **понимаете** (16) умываний эдаких. 3). Ждет мой Копейкин часа четыре (16) как вот входит наконец адъютант или там другой дежурный чиновник. <...> (17) **Впрочем** (18) **сказать правду** (19) обошелся он еще довольно милостиво: иной бы пугнул так (20) что дня три вертелась бы после того улица вверх ногами (21) а он сказал только: Позвать фельдъегеря! препроводить его на место жительства! 5). А фельдъегерь уж там (22) **понимаете** (23) и стоит: трехаршинный мужичина какой-нибудь (24) ручища у него (25) **можете вообразить** (26) самой натурой устроена для ямщиков (27) – **словом** (28) дантист эдакой... 6). Вот его (29) раба божия (30) схватили (31) сударь мой (32) да в тележку (33) с фельдъегерем. 7). Ну, – Копейкин думает (34) – по крайней мере не нужно платить прогонов (35) спасибо и за то. 8). Вот он (36) сударь мой (37) едет на фельдъегере (38) да (39) едучи на фельдъегере в некотором роде (40) **так сказать** (41) рассуждает сам себе. 9). Ну (42) уж как только его доставили на место и куда именно привезли (43) ничего этого неизвестно. 10). Так (44) **понимаете** (45) и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения (46) в какую-нибудь эдакую Лету (47) **как называют поэты**. 11). Но (48) **позвольте** (49) господу (50) вот тут-то и начинается (51) **можно сказать** (52) нить (53) завязка романа. 12). **Итак** (54) куда делся Копейкин (55) неизвестно; но не прошло (56) **можете представить себе** (57) двух месяцев (58) как появилась в рязанских лесах шайка разбойников (59) и атаман-то этой шайки был (60) судырь мой (61) не кто другой...

Задание 11. Сколько вводных конструкций в данном фрагменте текста? Компоненты какой группы представлены в большинстве? Как вы думаете, повышают ли они выразительность речи?

Ответ: 18; группа вводных конструкций с общим контактоустанавливающим значением; нет.

Задание 12. Укажите номера предложений, в котором вводные конструкции выступают в роли союзных межфразовых средств с различными типами отношений.

Ответ: 2, 4, 5, 12.

Задание 13. Выпишите из предложений 10-12 цифры, обозначающие запятые при вводных конструкциях. Ответ: 44, 45, 47, 48, 49, 51, 52, 54, 56, 57.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Контексты из произведения Н. В. Гоголя «Мёртвые души», содержащие вводные конструкции

Вводные конструкции со значением достоверности/недостоверности высказывания

Недостоверность

1) В этой конурке он приладил к стене узенькую трехногую кровать, накрыв ее небольшим подобием тюфяка, убитым и плоским, как блин, и, **может быть**, так же замаслившимся, как блин. (2)

2) **Может быть**, к сему побудила его другая, более существенная причина, дело более серьезное, ближе к сердцу... (7)

3) Что думал он в то время, когда молчал, – **может быть**, он говорил про себя: «И ты, однако ж, хорош, не надоело тебе сорок раз повторять одно и то же». (Селифан Чичикову, 8)

4-6) Надворные советники, **может быть**, и познакомятся с ним, но те, которые подобались уже к чинам генеральским, те, бог весть, **может быть**, даже бросят один из тех презрительных взглядов, которые бросаются гордо человеком на все, что ни пресмыкается у ног его, или, что еще хуже, **может быть**, пройдут убийственным для автора невниманием. (8)

7) Маниловка, **может быть**, а не Заманиловка? (мужик Чичикову и Селифану, 9)

8) **Может быть**, к ним следует примкнуть и Манилова. (10)

9-10) **Может быть**, здесь... в этом, вами сейчас выраженном изъяснении... скрыто другое... **Может быть**, вы изволили выразиться так для красоты слога? (Манилов Чичикову, 16)

11) **Может быть**, вы имеете какие-нибудь сомнения? (Чичиков Манилову, 16)

12) Такое глубокое выражение, какого, **может быть**, и не видано было на человеческом лице. (16)

- 13) **Может**, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки? (Коробочка Чичикову, 22)
- 14) **Может быть**, ты, отец мой, меня обманываешь. (Коробочка Чичикову, 25)
- 15) Вы собирали его, **может быть**, около года. (Чичиков Коробочке, 25)
- 16) А **может**, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся... (Коробочка Чичикову, 26)
- 17) **Может быть**, понадобится птичьих перьев. (Коробочка Чичикову, 28)
- 18) **Может быть**, станешь даже думать: да полно, точно ли Коробочка стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенствования? (28)
- 19) **Статься может**, как-нибудь из брички поналезли. (Порфирий Ноздрёву, 34)
- 20) Скажем что-нибудь о самом Ноздреве, которому, **может быть**, доведется сыграть не вовсе последнюю роль в нашей поэме. (35)
- 21) **Может быть**, назовут его характером избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрева. (36)
- 22) Он везде между нами и, **может быть**, только ходит в другом кафтане. (36)
- 23) Не подоспей капитан-исправник, мне бы, **может быть**, не далось бы более и на свет божий взглянуть! (Чичиков, 45)
- 24) Из нее все можно сделать, она, **может быть**, чудо... (Чичиков, 47)
- 25) **Может быть**, это вам так показалось. (Собакевич Чичикову, 49)
- 26) **Может быть**, опять случится услужить чем-нибудь друг другу. (Собакевич Чичикову, 55)
- 27) ...Зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, **может быть**, ковырял в зубах... (59)
- 28) Ему случалось видеть немало всякого рода людей, даже таких, какие нам с читателем, **может быть**, никогда не придется увидеть. (59)
- 29) Ведь черт его знает, **может быть**, он просто хвастун, как все эти мотишки. (Плюшкин о Чичикове, 65)
- 30) ... Были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали бар, а **может быть**, и просто были хорошими мужиками. (69)
- 31) Взмогился ли ты для большего прибытку под церковный купол, а **может быть**, и на крест потащился. (Чичиков, 70)
- 32) ...Или, **может**, и сам, лежа на полатах, думал, думал, да ни с того ни с другого заворотил в кабак. (Чичиков, 70)
- 33) Он у меня был, да, **статься может**, видно как-нибудь дорогой пообронил его. (Чичиков, 71)

34) Первый тост был выпит, как читатели, **может быть**, и сами догадаются, за здоровье нового херсонского помещика. (78)

35) ...И позабыв о том, что ему следовало спать вовсе не здесь, а, **может быть**, в людской, если не в конюшне близ лошадей. (79)

36) Зато, **может быть**, от самого создания света не было употреблено столько времени на туалет. (83)

37) ...И в совершенно заснувшем городе, **может быть**, плелась где-нибудь фризовая шинель... (91)

38) ...И там узнать наверно, почем ходят мертвые души и уж не промахнулась ли она, боже сохрани, продав их, **может быть**, втридешева. (92)

39) В другое время и при других обстоятельствах подобные слухи, **может быть**, не обратили бы на себя никакого внимания. (99)

40) ...И не объяснил ли он кому, хоть, **может быть**, невзначай, хоть вскользь как-нибудь настоящих своих намерений (101)

41) Вас, **может быть**, три-четыре переменится, а я вот уже тридцать лет, судырь мой, сижу на одном месте (Почтмейстер, 102)

42) **Может быть**, это происходит оттого, что мы вдруг удовлетворяемся в самом начале и уже почитаем, что все сделано. (103)

43) Один говорил, что Чичиков делатель государственных ассигнаций, и потом сам прибавлял: **а может быть**, и не делатель. (О Чичикове, 103)

44) Знаем, батюшка: вы пальцами своими, **может быть**, невесть в какие места наведываетесь, а табак вещь, требующая чистоты. (Почтмейстер, 103)

45) **Может быть**, некоторые читатели назовут все это невероятным. (107)

46) Перед у брички совсем расшатался, так что она, **может быть**, и двух станций не сделает. (Селифан Чичикову, 113)

47) ...И бричка, в которой ездят холостяки, которая так долго застоялась в городе и так, **может быть**, надоела читателю, наконец выехала из ворот гостиницы. (114)

48) **Может быть**, они тоже говорили о приезде нового генерал-губернатора и делали предположения насчет балов, какие он даст. (114)

49) В просторном подержанном сюртуке, **как видно с барского плеча**, малый немного суровый на взгляд, с очень крупными губами и носом. (2)

50) Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сюртуке и, **по-видимому**, проводивший очень покойную жизнь. (16)

51) Если б вы знали, какую услугу оказали сей, **по-видимому**, дрянью человеку без племени и роду! (Чичиков Манилову, 17)

- 52) Предположения, сметы и соображения, блуждавшие по лицу его, **видно**, были очень приятны. (18)
- 53) Фетинья, **как видно**, была мастерица взбивать перины. (22)
- 54) Вздумала было на ночь загадать на картах после молитвы, да, **видно**, в наказание-то бог и наслал его. (Коробочка Чичикову, 26)
- 55) **Видно**, вчерашний хмель у тебя не весь еще выветрило. (Чичиков Селифану, 29)
- 56) Горазд он, **как видно**, на все. (Чичиков о Ноздрёве, 34)
- 57) Обед, **как видно**, не составлял у Ноздрева главного в жизни. (38)
- 58) **Видно**, повар руководствовался более каким-то вдохновеньем. (38)
- 59) Экой ты, право, такой! с тобой, **как я вижу**, нельзя... (Ноздрёв Чичикову, 41)
- 60) Да, ты, брат, **как я вижу**, сочинитель! (Ноздрёв Чичикову, 43)
- 61) Хорошо то, что она сейчас только, **как видно**, выпущена из какого-нибудь пансиона или института. (Чичиков, 47)
- 62) Зодчий был педант и хотел симметрии, хозяин удобства и, **как видно**, вследствие того заколотил на одной стороне все отвечающие окна и провертел на место их одно маленькое (47)
- 63) ...Но Собакевича, **как видно**, пронесло. (52)
- 64) Из-за изб тянулись во многих местах рядами огромные клады хлеба, застоявшиеся, **как видно**, долго. (57)
- 65) Хлеб, **как видно**, был господский. (57)
- 66) Стены дома ощеливали местами нагую штукатурную решетку и, **как видно**, много потерпели от всяких непогод. (57)
- 67) **Видно**, походная жизнь с штабс-ротмистром не была так привлекательна, какую казалась до свадьбы. (61)
- 68) ...Какой-то приехавший из Рязани поручик, большой, **по-видимому**, охотник до сапогов. (79)
- 69) Так и быть: о характерах их, **видно**, нужно предоставить сказать тому, у которого поживее краски. (81)
- 70) ...Словом, дело, **как видно**, сделалось сурьезно. (83)
- 71-72) **Видно**, так уж бывает на свете; **видно**, и Чичиковы на несколько минут в жизни обращаются в поэтов. (87)
- 73) Это вздорное, **по-видимому**, происшествие заметно расстроило нашего героя. (90)

- 74) Лошади то и дело падали на передние коленки, потому что не были подкованы, и притом, **как видно**, покойная городская мостовая была им мало знакома. (91)
- 75) Таково уж, **видно**, расположение в воздухе. (92)
- 76-77) **Видно**, я вам наскучила уже, **видно**, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство. (Приятная во всех отношениях дама просто приятной даме, 94)
- 78) Таково уже, **видно**, самое назначение их быть хорошими хозяйками и распорядительницами. (99)
- 79) Только и разницы, что на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, какие читатель, **верно**, никогда не видывал. (2)
- 80) В гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, **верно**, стоила весьма недешево. (10)
- 81) Как же жаль, право, что я продала мед купцам так дешево, а вот ты бы, отец мой, у меня, **верно**, его купил. (Коробочка Чичикову, 24)
- 82) Лицо Ноздрева, **верно**, уже сколько-нибудь знакомо читателю. (35)
- 83) ...Словом, катать-валяй, было бы горячо, а вкус какой-нибудь, **верно**, выдет. (38)
- 84) Ну уж, **верно**, что-нибудь затеял. (Ноздрёв Чичикову, 39)
- 85) Кто-то всю ночь кусал меня. **Верно**, ведьмы блохи. (Ноздрёв Чичикову, 42)
- 86) ...Сказал Собакевич, уже несколько приподнявши голову и смекнувши, что покупатель, **верно**, должен иметь здесь какую-нибудь выгоду. (52)
- 87) Вы, **верно**, как-нибудь ошиблись или не понимаем друг друга. (Чичиков Собакевичу, 52)
- 88) Чичиков заключил, что это, **верно**, ключница. (58)
- 89) **Верно**, спустил денежки, служа в офицерах. (Плюшкин о Чичикове, 64)
- 90) Гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а, **верно**, был в офицерах. (Плюшкин о Чичикове, 64)
- 91) У себя дома есть, **верно**, нечего, так вот он и шатается! (Чичиков о Плюшкине, 65)
- 92) ...И уложил, тоже чрезвычайно осторожно, в один из ящиков, где, **верно**, им суждено быть погребенными... (67)
- 93) Не могу знать: **верно**, кто-нибудь другой принес ее, говоришь ты. (Чичиков, 71)
- 94-95) Пошлите теперь же к прокурору, он человек праздный и, **верно**, сидит дома. Инспектор врачебной управы, он также человек праздный и, **верно**, дома. (Собакевич председателю, 75)

- 96) А муж мой еще говорит, что Ноздрев врет; что-нибудь, **верно же**, есть. (Приятная во всех отношениях дама просто приятной даме, 95)
- 97) Чиновники, неизвестно почему, стали думать, что, **верно**, об этих мертвых душах идет теперь дело. (101)
- 98) ...И много всего обещался закупить, в казну сало тоже ставит, и потому, **наверно**, плут, ибо уж был один такой... (Коробочка о Чичикове, 102)
- 99) Прохожу мимо, вижу свет в окне, дай, думаю, зайду, **верно**, не спит. (Ноздрёв Чичикову, 111)
- 100) Как только увидел вас вместе на бале, ну уж, думаю себе, Чичиков, **верно**, недаром... (Ноздрёв Чичикову, 112)
- 101) Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, **как казалось**, удовлетворен, ибо нашел, что город никак не уступал другим губернским городам.(3)
- 102) День, **кажется**, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку
- 103) О себе приезжий, **как казалось**, избегал много говорить (4)
- 104) Но уже и две, и три, и четыре версты, **кажется**, сделали, а каменного дома в два этажа все еще не было видно. (9)
- 105) Бабы, **казалось**, были между собою в ссоре и за что-то перебранивались. (9)
- 106) Этот вопрос, **казалось**, затруднил гостя. (15)
- 107) Но, как **кажется**, вы затрудняетесь? (Чичиков Манилову, 16)
- 108) Он хотел, **казалось**, как будто вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства. (16)
- 109) Он был, **казалось**, настроен к сердечным излияниям. (17)
- 110) Селифан, **казалось**, сам смекнул, но не говорил ни слова. (19)
- 111) Но в это время, **казалось**, как будто сама судьба решилась над ним сжалиться. (20)
- 112) Ну, баба, **кажется**, крепколобая. (Чичиков о Коробочке, 25)
- 113) Здоровье, **казалось**, так и прыскало с лица его. (31)
- 114) ...Они уже готовы спорить и, **кажется**, никогда не согласятся. (34)
- 115) Дружбу заведут, **кажется**, навек, но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке. (35)
- 116) Ну, брат, ты, **кажется**, уже начал пули лить (О Ноздрёве, 35)
- 117) ...Видели козла, которого, по старому поверью, почитали необходимым держать при лошадях, который, **как казалось**, был с ними в ладу. (36)

- 118) Да ведь ты, **кажется**, говорил, что был в то время на ярмарке. (Зять Ноздрёву, 37)
- 119) Шарманка играла не без приятности, но в середине ее, **кажется**, что-то случилось. (37)
- 120) Половая щетка, **кажется**, не притрогивалась вовсе. (42)
- 121) Нет, брат, это, **кажется**, ты сочинитель. (Чичиков Ноздрёву, 43)
- 122) Кони тоже, **казалось**, думали невыгодно об Ноздреве. (45)
- 123) Помещик, **казалось**, хлопотал много о прочности. (48)
- 124) Хозяин, **казалось**, сам чувствовал за собою этот грех. (48)
- 125) Хозяин, будучи сам человек здоровый и крепкий, **казалось**, хотел, чтобы и комнату его украшали тоже люди крепкие и здоровые. (48)
- 126) А вот заговорю я с ним о полицеймейстере: он, **кажется**, друг его. (Чичиков, 49)
- 127) Мне странно, право: **кажется**, между нами происходит какое-то театральное представление. (Чичиков Собакевичу, 53)
- 128) Прошу прощенья! я, **кажется**, вас побеспокоил. (Собакевич Чичикову, 54)
- 129) Собакевич все еще стоял на крыльце и, **как казалось**, приглядывался. (55)
- 130) ... Ключница по крайней мере не бреет бороды, а этот, напротив того, брил, и, **казалось**, довольно редко. (59)
- 131) На что бы, **казалось**, нужна была Плюшкину такая гибель подобных изделий? (60)
- 132) Он, **казалось**, обиделся таким почти радостным восклицанием. (64)
- 133) Предложение, **казалось**, совершенно изумило Плюшкина. (64)
- 134) Вы, **кажется**, говорили семьдесят? (Чичиков Плюшкину, 66)
- 135) Плюшкин сел в кресла и уже, **казалось**, больше не мог найти материи, о чем говорить. (67)
- 136) Изредка доходили до слуха его какие-то, **казалось**, женские восклицания. (68)
- 137) ... Не посмотрел даже на свое лицо, в котором, **как кажется**, привлекательнее всего находил подбородок. (69)
- 138) Иван Антонович, **казалось**, имел уже далеко за сорок лет. (73)
- 139) Крепости произвели, **кажется**, хорошее действие на председателя. (75)
- 140) ... Кликнул квартального, бойкого малого в лакированных ботфортах, и, **кажется**, всего два слова шепнул ему на ухо... (77)
- 141) Полицеймейстер, **кажется**, не любил жалеть вина. (78)
- 142) **Кажется**, из уст нашего героя излетело словцо, подмеченное на улице. (85)

- 143) ...Все, **кажется**, при нем, а между тем какой-то неведомый дух шепчет ему в уши, что он позабыл что-то. (86)
- 144) Но дамы, **кажется**, не хотели оставить его так скоро. (86)
- 145) Как они делают, бог их ведаёт: **кажется**, и не очень мудреные вещи говорят... (88)
- 146) Но, **кажется**, сюда вмешалась другая причина негодованья. (91)
- 147) Как вихорь взметнулся дотолё, **казалось**, дремавший город! (99)
- 148) Дело, **казалось бы**, обделано было кругло, но чиновники, неизвестно почему, стали думать, что, верно, об этих мертвых душах идет теперь дело. (101)
- 149) И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, **казалось бы**, вычеркнул и уничтожил как ненужные. (109)
- 150) Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, **казалось**, теперь не сделал и ребенок. (109)
- 151) В этом, **казалось**, и заключалась главная цель связей его с старым повытчиком. (120)
- 152) Хозяйка вышла с тем чтобы привести в исполнение мысль насчет загнутия пирога и, **вероятно**, пополнить её другими произведениями домашней пекарни. (27)
- 153) **Вероятно**, он был человек признательный и хотел заплатить этим хозяину за хорошее обращение. (14)
- 154) Они своротили с дороги и, **вероятно**, тащились по взбороненному полю. (19)
- 155) Промеж них звенел, как почтовый звонок, неугомонный дискант, **вероятно** молодого щенка, и все это, наконец, повершал бас. (21)
- 156) Слово (субдительная суперфлю), **вероятно** означавшее у него высочайшую точку совершенства. (38)
- 157) Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, **вероятно**, дал бы ему медный грош. (60)
- 158) На это Плюшкин что-то пробормотал сквозь губы, что именно, неизвестно, но, **вероятно**, смысл был таков... (63)
- 159) ...Не заметил многих тоненьких чиновников с тросточками, которые, **вероятно**, возвращались домой. (68)
- 160) ...Высовывались неподкупные головы жрецов Фемиды и в ту ж минуту прятались опять: **вероятно**, в то время входил в комнату начальник. (72)
- 161) Он готов был отпустить ей ответ, **вероятно** ничем не хуже тех, какие отпускают в модных повестях. (86)

162) Он явился веселый, радостный, ухвативши под руку прокурора, которого, **вероятно**, уже таскал несколько времени. (88)

163-164) **Положим**, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, **положим**, существует правитель канцелярии. (23)

165) Ведь если, **положим**, этой девушке да придать тысячонок двести... (Чичиков, 47)

166) Ну если бы, **положим**, какой-нибудь писатель вздумал описывать всю эту сцену так, как она есть? (Чичиков, 90)

167) Или, **пожалуй**, продайте. (Чичиков Коробочке, 24)

168) **Пожалуй**, я тебе дам девчонку. (Коробочка Чичикову, 28)

169) Ты должен непременно теперь ехать ко мне, а там, **пожалуй**, можешь и к Собакевичу. (Ноздрёв Чичикову, 34)

170) Да еще, **пожалуй**, скажет потом: «Дай-ка себя покажу! (Чичиков, 54)

171) ...Французскими, немецкими и английскими словами они, **пожалуй**, наделят в таком количестве, что и не захочешь. (85)

172) И много напишут всякой всячины; прибавят, **пожалуй**, что был сопровождаем плачем вдов и сирот. (114)

173) Если захотят освидетельствовать крестьян: **пожалуй**, я и тут не прочь, почему же нет? (125)

174) Ведь вы, **я чай**, заседатель? (Коробочка Чичикову, 24)

175) Нет, матушка, — **чай**, не заседатель. (Чичиков Коробочке, 24)

176) Хорош у тебя ящик, отец мой, **чай**, в Москве купил его? (Коробочка Чичикову, 27)

177) Ведь у тебя, **чай**, место есть на козлах, где бы присесть ей. (Коробочка Чичикову, 28)

178) У тебя есть, **чай**, много умерших крестьян. (Чичиков Ноздрёву, 39)

179) Ведь, **чай**, нужно и купчую совершить. (Собакевич Чичикову, 54)

180) Сухарь-то сверху, **чай**, испортился, так пусть соскоблит его ножом. (Плюшкин Прошке, 65)

181-182) **Чай**, все губернии исходил с топором за поясом и сапогами на плечах. А в мошне, **чай**, притаскивал всякий раз домой целковиков. (Чичиков, 70)

183) ...Дворовый человек, должен быть грамотей: ножа, **я чай**, не взял в руки, а проворовался благородным образом. (Чичиков, 71)

Достоверность

1) Хотя, **конечно**, они лица не так заметные, и то, что называют второстепенные или даже третьестепенные. (7)

2) **Конечно**, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов, и много бы можно сделать разных запросов. (11)

3) Тогда, **конечно**, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. (Манилов Чичикову, 12)

4) **Конечно**, другое дело, если бы соседство было хорошее. (Манилов Чичикову, 12)

5) Я, **конечно**, не мог получить такого блестящего образования. (Манилов Чичикову, 16)

6) Он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, **конечно**, в душе поподличает в меру перед первым. (23)

7) ...Хотя чубарому коню, **конечно**, хотелось бы выслушать что-нибудь наставительное... (29)

8) **Конечно**, всякий человек не без слабостей. (Чичиков Собакевичу, 49)

9) Да, **конечно**, мертвые. (Собакевич Чичикову, 52)

10) Да вот теперь у тебя под властью мужики: ты с ними в ладу и, **конечно**, их не обидишь, потому что они твои. (Чичиков, 54)

11) Сами хозяева снесли с них дранье и тес, рассуждая, и, **конечно**, справедливо, что в дождь избы не кроют. (57)

12) «Ой, нет!» — «**Конечно**, баба!» (Чичиков о Плюшкине, 58)

13) **Конечно**, можно было бы привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на ум. (63)

14) Да, **конечно**, хорошего общества человека хоть где узнаешь. (Плюшкин Чичикову, 65)

15) **Конечно**, еще подъезжая к деревне Плюшкина, он уже предчувствовал, что будет кое-какая пожива. (67)

16) Дуэли, **конечно**, между ними не происходило, потому что все были гражданские чиновники... (82)

17) Но если заглянуть поглубже, то, **конечно**, откроется много иных вещей. (82)

18) Стали говорить, что, **конечно**, Чичиков не первый красавец, но зато таков, как следует быть мужчине. (82)

19) ...Пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ноге, не то бы, **конечно**, повалил за собою целый ряд. (87)

20) **Конечно**, почтмейстер и председатель и даже сам полицеймейстер, как водится, подшучивали над нашим героем. (90)

21) ...Хотя, **конечно**, сквозь любезность прокрадывалась уж какая яркая пруть женского характера. (92)

22) Эти мысли, **конечно**, удовлетворительно объяснили нежное движение его сердца, но не объяснили чиновникам настоящего дела. (102)

23) **Само собою разумеется**, ротик раскрывался при этом случае очень грациозно. (11)

24) А сделавшись приказчиком, поступал, **разумеется**, как все приказчики... (15)

25) **Само собою разумеется**, что полюбопытствовал узнать, какие в окружности находятся у них помещики. (31)

26) Да уж **само собою разумеется**, третьего сюда нечего мешать. (Собакевич Чичикову, 55)

27) Потом, **само собой разумеется**, письмо было свернуто и уложено в шкатулку. (83)

28) Дамы отправились в гостиную, **разумеется** голубую, с диваном, овальным столом и даже ширмочками. (93)

29) Тебе, **разумеется**, споллагоря, у тебя один сынишка... (Чиновники, 103)

30) Мы тотчас в ознаменование такого похвального поступка задаем обед всем первым сановникам города, **разумеется**, на половину всех пожертвованных сумм. (103)

31) Чичиков, **точно**, увидел даму, которую он совершенно было не приметил, раскланиваясь в дверях с Маниловым. (11)

32) Она видела, что дело, **точно**, как будто выгодно, да только уж слишком новое и небывалое.

33) Вот эти господа, **точно**, пользуются завидным даянием неба! (30)

34) Немного прошедши, они увидели, **точно**, кузницу. (37)

35) Мадера, **точно**, даже горела во рту. (38)

36) Плюшкин увидел, **точно**, четвертку и на минуту остановился. (66)

37) Достал где-то втридешева гнилушки кожи и выиграл, **точно**, вдвое на всяком сапоге. (Чичиков, 70)

38) Чичиков был прав: это была, **точно**, баба. (70)

39) Полицеймейстер, **точно**, был чудотворец. (77)

40) Сапоги, **точно**, были хорошо сшиты. (79)

- 41) Земли в южных губерниях, **точно**, хороши и плодородны. (Город о Чичикове, 79)
- 42) Немного спустя принесли к нему, **точно**, приглашение на бал к губернатору. (83)
- 43) Ибо, **точно**, было много побудительных и задирающих причин. (83)
- 44) ...И все согласились, что она, **точно**, дама приятная во всех отношениях. (93)
- 45) Это заключение, **точно**, было никак неожиданно и во всех отношениях необыкновенно. (96)
- 46) Приятная дама, услышав это, так и окаменела на месте, побледнела, как смерть и, **точно**, перетревожилась не на шутку. (96)
- 47) Есть, **точно**, на свете много таких вещей, которые имеют уже такое свойство... (96)
- 48) Тогда только с соболезнаванием узнали, что у покойника была, **точно**, душа, хотя он по скромности своей никогда ее не показывал. (109)
- 49) Ах, брат Чичиков, если бы ты только увидал... вот уж, **точно**, была бы пища твоему сатирическому уму. (Ноздрёв Чичикову, 111)
- 50) Уж такое, **право**, доставили наслаждение... майский день... именины сердца... (Манилов Чичикову, 12)
- 51) Как же жаль, **право**, что я продала мед купцам так дешево. (Коробочка Чичикову, 24)
- 52) **Право**, отец мой, никогда еще не случалось продавать мне покойников. (Коробочка Чичикову, 25)
- 53) Не сделай я сам глупость, **право**, не просадил бы. (Ноздрёв зятю, 32)
- 54) Ой, пощади, **право**, тресну со смеху! (Ноздрёв Чичикову, 33)
- 55) Нужно, брат, **право**, нужно доставить ей удовольствие. (Зять Ноздрёву, 38)
- 56) Мне странно, **право**: кажется, между нами происходит какое-то театральное представление. (Чичиков Собакевичу, 53)
- 57) Эх, **право**, затвердила сорока Якова одно про всякого, как говорит пословица. (Собакевич Чичикову, 53)
- 58) Мое последнее слово: пятьдесят рублей! **Право**, убыток себе. (Собакевич Чичикову, 53)
- 59) **Право**, я напрасно время трачу, мне нужно спешить. (Чичиков Собакевичу, 54)
- 60) Благое дело, **право**, благое дело! (Председатель Чичикову, 76)
- 61) Послушай, Чичиков, ведь тебе, **право**, стыдно. (Ноздрёв Чичикову, 89)
- 62) ...Но смертный, **право**, трудно даже понять, как устроен этот смертный. (89)

- 63) Нет, **право**... после всякого бала точно как будто какой грех сделал. (Чичиков, 90)
- 64) Я сама тоже... **Право**, как вообразишь, до чего иногда доходит мода. (Приятная дама даме приятной во всех отношениях, 94)
- 65) Ах, какие же вы, **право**, Анна Григорьевна! я с изумленьем на вас гляжу. (Просто приятная дама даме приятной во всех отношениях, 96)
- 66) А ведь признайся, брат, ведь ты, **право**, преподло поступил тогда со мною. (Ноздрёв Чичикову, 111)
- 67) Да, признаюсь, **действительно**, очень многие умирали! (Манилов Чичикову, 15)
- 68) Да, **действительно**, большая смертность. (Манилов Чичикову, 15)
- 69) Да и **действительно**, чего не потерпел я? (Чичиков Манилову, 17)
- 70) Попробовал Чичиков — **действительно**, кусок был вроде городничего. (57)
- 71) Уж если хотите знать умного человека, так у нас, **действительно**, есть один, о котором, точно, можно сказать: «умный человек». (101)
- 72) **Правда**, с такой дороги и очень нужно отдохнуть. (Чичиков Коробочке, 22)
- 73) После того, **правда**, народилось, да что в них... (Коробочка Чичикову, 24)
- 74) **Правда**, ярмарка была отличнейшая. (Ноздрёв Чичикову, 32)
- 75) Он послал Селифана отыскивать ворота, что, **без сомнения**, продолжалось бы долго. (20)
- 76) А если найдутся, то вам, **без сомнения**... будет приятно от них избавиться? (Чичиков Собакевичу, 51)
- 77) Иногда голос более величавый, **без сомнения** одного из начальников... (73)
- 78) Он видел только вдали блондинку, надевавшую длинную перчатку и, **без сомнения**, сгоравшую желанием пуститься летать по паркету. (87)
- 79) Так как он первый вынес историю о мертвых душах, то, **без сомнения**, знает кое-что из обстоятельств его жизни. (108)
- 80) Читатель, **без сомнения**, слышал так часто повторяемую историю об остроумном путешествии испанских баранов. (123)
- 81) И **в самом деле**, Манилов наконец услышал такие странные и необыкновенные вещи. (15)
- 82) Ну, **в самом деле**, на что оно нужно? (Чичиков Коробочке, 25)
- 83) И **в самом деле**, гербовой бумаги было там немало. (27)
- 84) И **в самом деле**, пирог сам по себе был вкусен... (28)
- 85) И **в самом деле**, после него незачем было мести улицу. (60)

86) Да и **в самом деле**, как приберетесь его? (Плюшкин Чичикову, 63)

87) **В самом деле**, что ни говори, не только одни мертвые души, но еще и беглые, и всего двести с лишком человек! (Чичиков, 67)

88) И **в самом деле**, где теперь Фыров? (Чичиков, 71)

89) Ему, **в самом деле**, только на одного государя и работать. (Председатель Собакевичу, 76)

90) Бедный прокурор поворачивал на все стороны густые брови, как бы придумывая средство выбраться из этого дружеского подручного путешествия. **В самом деле**, оно было невыносимо. (89)

91) Что ж за притча, **в самом деле**, что за притча эти мертвые души? (Город о Чичикове, 98)

92) Что ж за вздор, **в самом деле**, разнесли по городу? (Город о Чичикове, 98)

Вводные конструкции, указывающие на источник сообщения

1) ...В которую утверждается верхний камень, быстро вращающийся на веретене, – «порхающий», **по чудному выражению русского мужика**. (37)

2) ...Но таким ленивым и вялым голосом, как будто бы, **по русскому выражению**, натаскивал клещами на лошадь хомут. (38)

3) ...Более не находилось ничего на сей уединенной, или, **как у нас выражаются**, красивой площади. (72)

4) День, кажется, был заключен порцией ... и крепким сном во всю насосную завертку, **как выражаются в иных местах обширного русского государства**. (4)

5) Все те, которые прекратили давно уже всякие знакомства и знали только, **как выражаются**, с помещиками Завалишиным да Полежаевым. (99)

6) У одного из восторжествовавших даже был вплоть сколот нос, **по выражению бойцов**, то есть весь размозжен нос. (100)

7) Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, **как их называют в русских трактирах**. (1).

8) ...Пустивши вверх хвосты, или, **как их называют собачей**, правилы, полетели прямо навстречу гостям. (37)

9) Наша братья, народ умный, **как мы называем себя**, поступает почти так же. (98)

10) Волос они на голове не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манер «черт меня побери», **как говорят французы**. (5)

11) Покамест одно странное свойство гостя и предприятие, или, **как говорят в провинциях**, пассаж, о котором читатель скоро узнает, не привело в совершенное недоумение почти всего города. (7)

12) Вот уж точно, **как говорят**, неладно скроен, да крепко сшит! (Чичиков о Собакевиче, 54)

13) И жесткий, и мягкий, и даже совсем томный, или, **как говорят**, в неге. (85)

14) ...Подходил к той и другой дробным мелким шагом, или, **как говорят**, семенил ножками. (85)

15) Эх, право, затвердила сорока Якова одно про всякого, **как говорит пословица**. (Собакевич Чичикову, 53)

16) На вкусы нет закона: кто любит попу, а кто попадью, **говорит пословица**. (Собакевич Чичикову, 55)

17) Хе, сапожник! Пьян, как сапожник, **говорит пословица**. (Чичиков, 70)

18) ... А он родился просто, **как говорит пословица**, ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца. (Мать о Чичикове, 116)

19) Видели козла, которого, **по старому поверью**, почитали необходимым держать при лошадях. (36)

20) Разъезжая по вечеринкам и обедам и таким образом проводя, **как говорится**, очень приятно время. (7)

21) ...И встречался как ни в чем не бывало, и он, **как говорится**, ничего, и они ничего. (35)

22) ...Что в ней, **как говорится**, нет еще ничего бабьего. (Чичиков, 47)

23) ...Тут же в соседстве подвернется помещик, прожигающий, **как говорится**, насквозь жизнь. (63)

24) Вообще он сидел, **как говорится**, на своем месте. (77)

25) Купец, который на рысак был помешан, улыбался на это с особенною, **как говорится**, охотою. (78)

26) ...Приступили со всех сторон с вилками к столу и стали обнаруживать, **как говорится**, каждый свой характер и склонности. (78)

27) ...кто был просто байбак, лежавший, **как говорится**, весь век на боку. (81)

28) ...словом, он был носим, **как говорится**, на руках. (81)

29) Дамы города N. были то, **как говорится**, презентабельны. (81)

30) Следовало бы сказать многое о самих дамах, об их обществе, описать, **как говорится**, живыми красками их душевные качества. (81)

31) ...Что он может сделаться среди своих крестьян некоторого рода отцом, **по его выражению**, ввести даже благодетельное просвещение. (Почтмейстер о Чичикове, 80)

32) ...Подвел даже под обух его пикового короля, на которого он, **по собственному выражению**, надеялся, как на бога. (Председатель, 90)

33) Впрочем, он был остряк, цветист в словах и любил, **как сам выражался**, уснастить речь. (О почтмейстере, 81)

34) Одна очень любезная дама, — которая приехала вовсе не с тем чтобы танцевать, по причине приключившегося, **как сама выразилась**, небольшого инкомодите...(87)

35) Посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих, что было уже ни на что не похоже, **по выражению дам**. (О Ноздрёве, 90)

36) Что же касается до обысков, то здесь, **как выражались даже сами товарищи**, у него просто было собачье чутье (О Чичикове, 122)

37) Собакевич отвечал, что Чичиков, **по его мнению**, человек хороший (Собакевич о Чичикове, 102)

38) Сын, будучи отправлен в губернский город, с тем чтобы узнать в палате, **по мнению отца**, службу существенную, определился вместо того в полк. (о Плюшкине и его сыне, 61)

39) Дома были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым, **по мнению губернских архитекторов**. (3)

40) Проехавши пятнадцатую версту, он вспомнил, что здесь, **по словам Манилова**, должна быть его деревня. (8)

41) ...Пруд, в котором, **по словам Ноздрева**, водилась рыба такой величины... (36)

42) ...Которая была уже слепая и, **по словам Ноздрева**, должна была скоро издохнуть. (37)

43) ...У которой ручки, **по словам его** (Ноздрёва), были самой субдительной сюперфлю. (38)

44) ...Ввелел еще принести какую-то особенную бутылку, которая, **по словам его** (Ноздрёва), была и бургоньон и шампаньон вместе. (38)

45) Ему хотелось заехать к Плюшкину, у которого, **по словам Собакевича**, люди умирали, как мухи. (55)

46) ...Знакомый читателю прокурор-моргун, инспектор врачебной управы, Трухачевский, Бегушкин и прочие, **по словам Собакевича**, даром бременящие землю. (76)

47) А хорошее воспитание, **как известно**, получается в пансионах. (11)

48) А в пансионах, **как известно**, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей. (11)

49) Но тут чуть не произвел даже скачок по образцу козла, что, **как известно**, производится только в самых сильных порывах радости. (17)

50) Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, **как известно**, имеет волчий голод. (61)

51) Первый враг есть близость губерний малороссийских, где, **как известно**, свободная продажа вина. (80)

52) Но зато один другому старался напакостить, где было можно, что, **как известно**, подчас бывает тяжелее всякой дуэли. (82)

53) ...Что-то даже марсовское и военное, что, **как известно**, очень нравится женщинам. (85)

54) Какой-то из молодых людей сочинил тут же сатирические стихи на танцевавшее общество, без чего, **как известно**, никогда почти не обходится на губернских балах. (88)

55) Даже не происходило в продолжение трех месяцев ничего такого, что называют в столицах комеражми, что, **как известно**, для города то же, что своевременный подвоз съестных припасов. (99)

56) ...Обругавших их бабами и юбками — именами, **как известно**, очень обидными для мужского пола. (100)

57) В губернию назначен был новый генерал-губернатор — событие, **как известно**, приводящее чиновников в тревожное состояние. (100)

58) Без предварительного расположения, **как известно**, не может быть даже взята простая справка или выправка. (124)

59) Это, **по-моему**, совершенно невинное достоинство приобрело, однако ж, ему много уважения со стороны трактирного слуги. (3)

60) Не могу знать; об этом, **я полагаю**, нужно спросить приказчика. (Манилов Чичикову, 15)

61) Ведь эти души, **я полагаю**, вы считаете со дня подачи последней ревизии? (Чичиков Плюшкину, 64)

62) Одних балаганов, **я думаю**, было пятьдесят. (Ноздрёв Чичикову, 33)

63-64) Что ж, **по моему суждению, как я думаю**, больше нельзя. (Чичиков Собакевичу, 52)

65) Ну, ты, **я думаю**, устоишь! (Чичиков о Плюшкине, 63)

66) В картишки, **как мы уже видели из первой главы**, играл он (Ноздрёв) не совсем безгрешно и чисто (35)

67) Наконец остались только два (окна), из которых одно, **как уже видел читатель**, было заклеено бумагою. (61)

68) Жители города и без того, **как уже мы видели в первой главе**, душевно полюбили Чичикова. (80)

69) Читатель, **я думаю**, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большою свободою. (23)

70) Читателю, **я думаю**, приятно будет узнать, что он (Чичиков) всякие два дни переменил на себе белье. (122)

Вводные конструкции, выражающие эмоциональную оценку сообщения

1) ...Был у прокурора ... у начальника над казенными фабриками... **жаль**, несколько трудно упомянуть всех сильных мира сего. (4)

2) Эх, братец, как покутили! Теперь даже, как вспомнишь... черт возьми! тебя, **жаль**, не было. (Ноздрёв Чичикову, 32)

3) Но, **к сожаленью**, ни за какие деньги, ни за имения, с улучшениями и без улучшений, нельзя приобрести такого желудка, какой бывает у господина средней руки. (30)

4) А! от Плюшкина. Он еще до сих пор прозябает на свете. Вот судьба, ведь какой был умнейший, богатейший человек! а теперь, **к сожаленью**... (Председатель Чичикову, 75)

5) Может быть, плелась где-нибудь фризовая шинель, горемыка неизвестно какого класса и чина, знающая одну только, **к сожаленью**, слишком протертую русским забубенным народом дорогу. (91)

6) **К сожаленью**, все это известно автору, и при всем том он не может взять в герои добродетельного человека. (116)

7) Невидаль, что иная наvertsела на себя тысячу рублей! А ведь за счет же крестьянских оброков или, **что еще хуже**, за счет совести нашего брата. (Чичиков, 90)

8) ...Или, **что еще хуже**, может быть, пройдут убийственным для автора невниманием. (8)

9) Глаза же, **как на беду**, были маленькие, и потому протиранье их производилось необыкновенно долго. (51)

10) Но, **как на беду**, все именно произошло так, как рассказывается, и тем еще изумительнее, что город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц. (107)

11) Но **на беду**, в это время подвернулся губернатор, изъявивший необыкновенную радость. (89)

12) Душ-то в ней, отец мой, без малого восемьдесят, да, **как на беду**, времена плохи, вот и прошлый год был такой неурожай, что боже храни. (Коробочка Чичикову, 24)

13) ...Да, **на беду**, и урожай плох, и мука уж такая неважная... (Коробочка Чичикову, 28)

14) В непродолжительном времени была принесена на стол рябиновка, имевшая, по словам Ноздрева, совершенный вкус сливок, но в которой, **к изумлению**, слышна была сивушища во всей своей силе. (38)

15) Ну, уж после таких слов, произнесенных приятною дамою, должна была неминуемо последовать буря, но, **к величайшему изумлению**, обе дамы вдруг приутихли, и совершенно ничего не последовало. (97)

16) Случись же так, что, **как нарочно**, в то время, когда господа чиновники и без того находились в затруднительном положении, пришли к губернатору разом две бумаги. (101)

17) ...И был уже генерал-губернатором двух губерний, и **как нарочно** тех, в которых находились его поместья. (115)

18) **Как нарочно**, в то время он получил легкую простуду — флюс и небольшое воспаление в горле. (110)

19) **Странное дело!** но юноша с самого начала искал только трудностей, алча действовать только там, где трудно, где нужно было показать большую силу души. (119)

20) **Странное дело**, совсем не подымается перо, точно будто свинец какой-нибудь сидит в нем. (81)

21) **Странное дело**, ведь ты, кажется, говорил, что был в то время на ярмарке. (Зять Ноздрёву, 37)

22) Но... здесь, **к величайшему прискорбию**, надобно заметить, что люди степенные и занимающие важные должности как-то немного тяжеловаты в разговорах с дамами. (88)

23) Она видела, что дело, точно, как будто выгодно, да только уж слишком новое и небывалое; а потому начала сильно побаиваться, чтобы, **не дай бог**, не надул ее этот покупатель. (25)

24) ...Землишка маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает, как бы в кабак... **того и гляди**, пойдешь на старости лет по миру! (Плюшкин Чичикову, 62)

25) – На что ж вам расписка? – Все, знаете, лучше расписку. **Не ровен час**, все может случиться. (Чичиков Собакевичу, 55)

26) Всякую минуту выглядывала она из окна и видела, **к несказанной досаде**, что все еще остается полдороги. (92)

27) В угольной из этих лавочек, или, **лучше**, в окне, помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар. (2)

28) ...Обратится наконец к бабе, которая лечит зашептываньями и заплевками, или, **еще лучше**, выдумает сам какой-нибудь декохт из невесть какой дряни. (108)

29) – Бессонница. Все поясница болит, и нога, что повыше косточки, так вот и ломит. – Пройдет, пройдет, матушка. На это нечего глядеть. – **Дай бог**, чтобы прошло. (Коробочка Чичикову, 23)

30) А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, **дай бог**, немало. (Чичиков, 125)

31) Как только, **даст бог**, все покончу благополучно и сделаюсь действительно состоятельным, зажиточным человеком, я поступлю тогда совсем иначе (Чичиков, 126)

32) На такую сумятицу успели, однако ж, собраться мужики из деревни, которая была, **к счастью**, неподалеку. (46)

33) И на то уже он подвинул начальника не иначе, как состраданием, изобразив ему в живых красках трогательную судьбу несчастного семейства Чичикова, которого, **к счастью**, у него не было. (121)

34) Какое ни придумай имя, уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства, **благо велико**, кто-нибудь, носящий его. (92)

Вводные конструкции со значением установления контакта

1) Как он может этак, **знаете**, принять всякого, блюсти деликатность в своих поступках. (Манилов Чичикову, 12)

2) Одичаешь, **знаете**, будешь все время жить взаперти. (Манилов Чичикову, 12)

3) И **знаете**, Павел Иванович! Тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде, духовное наслаждение (Манилов Чичикову, 13)

4) Но **знаете ли**, все если нет друга, с которым бы можно поделиться... (Манилов Чичикову, 13)

5) А **знаете**, Павел Иванович, как было бы в самом деле хорошо, если бы жить этак вместе... (Манилов Чичикову, 17)

6) Все, **знаете**, так уж водится. (Собакевич Чичикову, 55)

7) Все, **знаете**, лучше расписку. (Чичиков Собакевичу, 55)

- 8) ...Ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погреба, так мы, **знаете ли**, так закусим! (Председатель Чичикову, 77)
- 9) Ну, **позвольте**, а как вам показался полицеймейстер? (Манилов Чичикову, 12)
- 10) **Позвольте**, я сейчас расскажу вашему кучеру. (Манилов Чичикову, 18)
- 11) **Но позвольте**: зачем вы их называете ревизскими. (Чичиков Собакевичу, 52)
- 12) **Но позвольте**, зачем вы исчисляете все их качества? (Чичиков Собакевичу, 52)
- 13) **Да позвольте**, как же мне писать расписку (Собакевич Чичикову, 55)
- 14) Только **позвольте**, как же... Ведь вы мне сказывали, что он умер... (Председатель Собакевичу, 76)
- 15) Нет, Алексей Иванович, **позвольте, позвольте**, я не согласен с тем... (город о Чичикове, 79)
- 16) **Ну позвольте**, ну положите сами клятву, какую хотите. (Просто приятная дама даме приятной во всех отношениях, 96)
- 17) **Помилуйте**, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суете! (Чичиков Коробочке, 26)
- 18) **Помилуй**, на что ж мне жеребец? (Чичиков Ноздрёву, 40)
- 19) **Веришь ли**, никогда в жизни так не продувался. (Ноздрёв Чичикову, 31)
- 20) **Поверишь ли**, не только убухал четырех рысаков — всё спустил. (Ноздрёв Чичикову, 31)
- 21) **Веришь ли**, офицеры, сколько их ни было, сорок человек одних офицеров было в городе... (Ноздрёв Чичикову, 32)
- 22) **Веришь ли**, я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского! (Ноздрёв Чичикову, 32)
- 23) А какой, **веришь ли**, волокита Кувшинников! (Ноздрёв Чичикову, 33)
- 24) **Поверишь ли**, простых баб не пропустил. (Ноздрёв Чичикову, 33)
- 25) **Поверите ли**, ваше превосходительство, как сказал он мне: «Продай мертвых душ», — я так и лопнул со смеха. (Ноздрёв губернатору, 89)
- 26) **Вообрази**, в трех верстах от города стоял драгунский полк. (Ноздрёв Чичикову, 32)
- 27) **Вообрази**, не клико, а какое-то клико-матрадура. (Ноздрёв Чичикову, 32)
- 28) Представь: снилось, что меня высекли, ей-ей! и, **вообрази**, кто? (Ноздрёв Чичикову, 42)
- 29) **Вообразите**, лифчики пошли еще длиннее, впереди мыском... (Приятная дама даме приятной во всех отношениях, 94)

30) **Послушай**, любезный! сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию? (Манилов приказчику, 15)

31) **Послушайте**, матушка... эх, какие вы! что ж они могут стоять? (Чичиков Коробочке, 25)

32) **Послушай**, братец: ну к черту Собакевича, поедem во мне! (Ноздрёв Чичикову, 33)

33) **Послушай**, чтоб доказать тебе, что я вовсе не какой-нибудь скалдырник, я... (Ноздрёв Чичикову, 40)

34) Да **послушай**, ты не понимаешь: ведь я с тебя возьму теперь всего только три тысячи... (Ноздрёв Чичикову, 40)

35) **Послушай**, если уж не хочешь собак, так купи у меня шарманку. (Ноздрёв Чичикову, 41)

36) Ну, **послушай**, хочешь метнем банчик? (Ноздрёв Чичикову, 41)

37) **Послушай**, сыграем в шашки. (Ноздрёв Чичикову, 42)

38) **Послушай**, матушка, что барин?.. (Чичиков Плюшкину, 59)

39) **Послушайте**, любезные, я очень хорошо знаю, что все дела по крепостям находятся в одном месте... (Чичиков чиновникам, 73)

40) **Послушай**, Чичиков! ведь я бы тебя повесил, ей-богу повесил! (Ноздрёв Чичикову, 89)

41) Вот барина нашего всякой уважает, потому что он, **слышь ты**, сполнял службу государскую. (Селифан сам себе, 19)

42) Поставь самовар, **слышишь**, да вот возьми ключ да отдай Мавре. (Плюшкин Прошке, 65)

43) Сухарь отнеси Мавре, **слышишь**: пусть его положит на то же место. (Плюшкин Прошке, 67)

44) Ну, **видите ли**, я вдруг постигнул ваш характер. (Чичиков Плюшкину, 66)

45) **Видишь ли**, какая дрянь! (Ноздрёв Чичикову, 31)

Вводные конструкции, указывающие на степень общности излагаемых фактов

1) Все разговоры совершенно прекратились, **как случается всегда**, когда наконец предаются занятию дельному. (6)

2) И что всего страннее, **что может только на одной Руси случиться**, он чрез несколько времени уже встречался опять с теми приятелями, которые его тузили, и встречался как ни в чем не бывало. (35)

3) То и другое, **как случается в русском человеке**, было набросано в нем в каком-то картинном беспорядке. (43)

4) По окончании игры спорили, **как водится**, довольно громко. (6)

5) Конечно, почтмейстер и председатель и даже сам полицеймейстер, **как водится**, подшучивали над нашим героем. (90)

6) Пирушка, как **водится**, кончилась дракой. (100)

7) Вскрикнули, **как водится**, всплеснув руками: «Ах, боже мой!» (109)

8) Около четверти часа с лишком провозился он с кузнецами, покамест сладил, потому что кузнецы, **как водится**, были отъявленные подлецы...

9) Несколько мужиков, **по обыкновению**, зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах. (8)

10) Герой наш, **по обыкновению**, сейчас вступил с нею в разговор. (31)

11) Прежде, **бывало**, полтиной меди отделаешься да мешком муки. (Плюшкин Чичикову, 64)

12) Юбка вся собирается, как **бывало** в старину, вокруг фижмы. (Приятная дама даме приятной во всех отношениях, 94)

13) То, **бывало**, едал щи, говядины кусок, а теперь в лавочке возьмет какую-нибудь селедку или огурец соленный да хлеба на два гроша.

14) Конечно, нашлись, **как и везде бывает**, кое-кто неробкого десятка, которые не теряли присутствия духа.

15) Статский советник, **по русскому обычаю**, с горя запил, но коллежский устоял. (123)

Вводные конструкции, указывающие на способ выражения мысли

1) Отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – **словом**, все те, которых называют господами средней руки. (1)

2) ...Тот же закопченный потолок; та же копченая люстра со множеством висящих стеклышек, те же картины во всю стену, писанные масляными красками, — **словом**, все то же, что и везде. (2)

3) Коляска с фонарями, перед подъездом два жандарма, фореиторские крики вдали, – **словом**, всё как нужно. (5)

4) Он с чрезвычайною точностью расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, – **словом**, не пропустил ни одного значительного чиновника. (3)

5) Потом был на вечере у вице-губернатора, на большом обеде у откупщика, на небольшом обеде у прокурора... **Словом**, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома. (6)

6) Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует. **Словом**, куда ни повороти, был очень порядочный человек. (7)

7) У всякого есть свой задор: <...> **Словом**, у всякого есть свое, но у Манилова ничего не было. (7)

8) ...С тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот... – **словом**, хоть восходи до миллиона, всё найдут оттенки. (23)

9) ...Глупое назовут умным и пойдут потом поплясывать как нельзя лучше под чужую дудку, – **словом**, начнут гладью, а кончат гадью.. (34)

10) ...Совал капусту, пичкал молоко, ветчину, горох – **словом**, катай-валяй, было бы горячо. (38)

11) Постромки отвязали; несколько тычков чубарому коню в морду заставляли его попятиться; **словом**, их разрознили и развели. (46)

12) ...Даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идет только на мельницы да на корабли. **Словом**, все, на что ни глядел он, было упористо, без пошатки. (48)

13) Стол, кресла, стулья – все было самого тяжелого и беспокойного свойства, – **словом**, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» (47)

14) ...Но даже на полях находились особенные отметки насчет поведения, трезвости, – **словом**, любо было глядеть. (49)

15) ...Когда есть простор и в кабаке, и на большой дороге, – **словом**, где хочешь. (57)

16) ...**Словом**, все было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе.

17) ...**Словом**, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош. (60)

18) Изредка доходили до слуха его какие-то, казалось, женские восклицания: <...> **Словом**, те слова которые вдруг отдадут, как варом, какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу.

19) ...Вся середина лица выступала у него вперед и пошла в нос, – **словом**, это было то лицо, которое называют в общежитье кувшинным рылом. (73)

20) И по плечу потреплет, и засмеется, и чаем напоит, пообещается и сам прийти поиграть в шашки ... и лекарство присоветует, – **словом**, молодец!

21) Они все были народ добрый, живя между собою в ладу, обращались совершенно по-приятельски <...> – **словом**, все было очень семейственно. (81)

22) Они так полюбили его, что он не видел средств, как вырваться из города <...> – **словом**, он был носим, как говорится, на руках. (81)

23) ...Которое действует и на людей подлецов, и на людей ни се ни то, и на людей хороших, — **словом**, на всех действует. (82)

24) В анониме было так много заманчивого и подстрекающего любопытство, что он перечел и в другой и в третий раз письмо... **Словом**, дело, как видно, сделалось сурьезно. (83)

25) <...> Он сделал даже самому себе множество приятных сюрпризов, подмигнул бровью и губами и сделал кое-что даже языком; **словом**, мало ли чего не делаешь, оставшись один... (83)

26) Чичиков разом почувствовал себя в нескольких объятиях: <...>; **словом**, распространил он радость и веселье необыкновенное. (84)

27) <...>, – **словом**, кажется, как будто на всем было написано: нет, это не губерния, это столица, это сам Париж! (84)

28) Хотят непременно, чтобы все было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, – **словом**, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков... (85)

29) Он стал чувствовать себя неловко, неладно ...; **словом**, нехорошо, совсем нехорошо. (90)

30) ...Фон голубой и через полоску всё глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... **Словом**, бесподобно! (Приятная дама даме приятной во всех отношениях, 93)

31) Как вихорь взметнулся дотоле, казалось, дремавший город! <...>; **словом**, оказалось, что город и люден, и велик, и населен как следует. (99)

32) Всё облеклось в ясные и очевидные формы, объяснилось, очистилось, **одним словом**, вышла оконченная картинка. (99)

33) Не мешает сделать еще замечание, что Манилова... но, **признаюсь**, о дамах я очень боюсь говорить. (11)

34) Да, **признаюсь**, действительно, очень многие умирали! (Манилов Чичикову, 15)

35) Я не привез вам гостинца, потому что, **признаюсь**, не знал даже, живете ли вы на свете. (Чичиков детям Манилова, 17)

36) Я, **признаюсь**, давно острил зубы на мордаша. (Ноздрёв Чичикову, 34)

37) **Признаюсь**, этого я бы никак не подумал. (Чичиков Собакевичу, 49)

38) Я, **признаюсь**, тут ровно ничего не понимаю. (Приятная во всех отношениях дама просто приятной даме, 95)

39) Я, **признаюсь**, совершенно потеряна. (Просто приятная дама даме приятной во всех отношениях, 95)

40-42) А я, **признаюсь**, как только вы открыли рот, я уже смекнула, в чем дело. Я слыхала, как она говорила такие речи, что, **признаюсь**, у меня не станет духа произнести их. По мне, так я, **признаюсь**, ничего не нахожу в ней (Приятная во всех отношениях дама просто приятной даме, 96)

43) Да, **признаться сказать**, я вовсе не охотник играть. (Чичиков Ноздрёву, 41)

44) Я давненько не вижу гостей, да, **признаться сказать**, в них мало вижу проку. (Плюшкин Чичикову, 63)

45) Я, **признаться сказать**, не охотник до чаю. (Плюшкин Чичикову, 67)

46) Но почтенные читатели, **надо признаться**, бывают еще мудренее. (85)

47) ...Следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, **так сказать**, паренье этакое... (Манилов Чичикову, 12)

48) Я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, **так сказать**, видно во всяком вашем движении. (Манилов Чичикову, 16).

49) Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие или, чтоб еще более, **так сказать**, выразиться, негоция... (Манилов Чичикову, 16).

50) Если уж вам пришло этакое, **так сказать**, фантастическое желание... (Манилов Чичикову, 16)

51) Это бы могло составить, **так сказать**, счастье порядочного человека (Чичиков, 47)

52) Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастье, **можно сказать** образцовое, говорить с вами. (Манилов Чичикову, 13)

53) Вот уж, **можно сказать**, во всей форме кутила. (Ноздрёв Чичикову, 32)

54) Этим ты, **можно сказать**, меня самого обижаешь. (Зять Ноздрёву, 39)

55) Председатель никак не мог понять, как Павел Иванович, так хорошо и, **можно сказать**, тонко разумевший игру, мог сделать подобные ошибки. (90)

56) Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, **лучше сказать**, процесс самого чтения. (7)

57) Да уж давно; а **лучше сказать**, не припомню. (Манилов Чичикову, 15)

58) ...Сделался похожим на деревенскую колокольню, или, **лучше**, на крючок, которым достают воду в колодцах. (45)

59) ...С мезонином, красной крышей и темными или, **лучше**, дикими стенами... (47)

60) Чичиков так занялся разговорами с дамами, или, **лучше**, дамы так заняли и закружили его своими разговорами. (85)

61) ...Который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, **с позволения сказать**, во всех прочих местах. (Манилов Чичикову, 14)

62) Все что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, **с позволения сказать**, в помойную лохань, они его в суп! (Собакевич Чичикову, 50)

63) Как же, **с позволения вашего**, вы за всякий год беретесь платить за них подать? (Плюшкин Чичикову, 64)

Вводные конструкции, указывающие на отношения между частями высказывания

1) Подобная игра природы, **впрочем**, случается на разных исторических картинах. (2)

2) **Впрочем**, приезжий делал не всё пустые вопросы. (3)

3) **Впрочем**, хотя эти деревца были не выше тростника, о них было сказано в газетах при описании иллюминации, что «город наш украсился. (3)

4) **Впрочем**, замечательного немного было в афишке. (4)

5) **Впрочем**, был большой добряк и даже сам вышивал иногда по тюлю. (4)

6) **Впрочем**, губернаторский дом был так освещен, хоть бы и для бала. (5)

7) Потом был на вечере у вице-губернатора, на большом обеде у откупщика, на небольшом обеде у прокурора, который, **впрочем**, стоил большого. (6)

8) Пониже пруд, покрытый зеленью, что, **впрочем**, не в диковинку в аглицких садах русских помещиков. (9)

9) День был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, **впрочем**, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням. (9)

10) **Впрочем**, все эти прожекты так и оканчивались только одними словами. (10)

11) **Впрочем**, бывают разные усовершенствования и изменения в методах, особенно в нынешнее время. (11)

12) Больше в деревне, **впрочем**, приезжаем в город для того только, чтобы увидаться с образованными людьми. (Манилов Чичикову, 12)

13) Один раз, **впрочем**, лицо его приняло суровый вид, и он строго застучал по столу. (14)

14) Я полагаю приобрести мертвых, которые, **впрочем**, значились бы по ревизии как живые. (Чичиков Манилову, 15)

15) Селифан лошадей, однако ж, остановил, **впрочем**, они остановились бы и сами. (20)

16) **Впрочем**, Чичиков напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка. (25)

17) Да, **впрочем**, ведь кости и могилы – все вам остается. (Чичиков Коробочке, 26)

18) **Впрочем**, чтобы успокоить ее, он дал ей какой-то лист в рубль ценою. (27)

19) ...Начал уже говорить «ты», хотя, **впрочем**, он с своей стороны не подал к тому никакого повода. (31)

20) Чичиков, **впрочем**, отроду не видел ни каурой кобылы, ни Хвостырева. (33)

21) Ничего. Эх, брат, как покутили! **Впрочем**, давай рюмку водки. (Ноздрёв старухе в трактире, 33)

22) **Впрочем**, редко случалось, чтобы это было довезено домой. (36)

23) Ноздрев повел их в свой кабинет, в котором, **впрочем**, не было заметно следов... (37)

24) **Впрочем**, зять вряд ли мог быть человеком опасным. (38)

25) **Впрочем**, что до меня, мне, признаюсь, более всех нравится полицеймейстер. (Чичиков Собакевичу, 49)

26) ...Ни груша, ни слива, ни иная ягода, до которого, **впрочем**, не дотронулись ни гость, ни хозяин. (51)

27) А, например, как же цена? хотя, **впрочем**, это такой предмет... что о цене даже странно... (Чичиков Собакевичу, 52)

28) **Впрочем**, чтобы не входить в дальнейшие разговоры по этой части, по полтора рубли, извольте, дам. (Чичиков Собакевичу, 52)

29) **Впрочем**, и то сказать что из этих людей, которые числятся теперь живущими? (Собакевич Чичикову, 52)

30) **Впрочем**, можно догадываться, что оно выражено было очень метко. (56)

31) **Впрочем**, когда приметивший мужик уличал его тут же, он не спорил и отдавал похищенную вещь. (60)

32) **Впрочем**, барин и сам знал, что он соврал, но уж не хотел ничего возражать. (68)

33) **Впрочем**, что до того, чтоб ускорить дело, так Иван Григорьевич, председатель, мне большой друг... (Чичиков Ивану Антоновичу, 74)

34) Река. **Впрочем**, и пруд есть. (Чичиков председателю, 76)

- 35) **Впрочем**, если сказать правду, они все были народ добрый...(80)
- 36) **Впрочем**, он был остряк, цветист в словах. (81)
- 37) До сих пор все дамы как-то мало говорили о Чичикове, отдавая, **впрочем**, ему полную справедливость в приятности светского обращения. (82)
- 38) **Впрочем**, дамы были вовсе не интересанки. (82)
- 39) В последней строке не было размера, но это, **впрочем**, ничего. (83)
- 40) Смеются от души те, которые, **впрочем**, несколько плохо услышали произнесенные им слова. (84)
- 41) **Впрочем**, обе дамы нельзя сказать чтобы имели в своей натуре потребность наносить неприятность, и вообще в характерах их ничего не было злого. (95)
- 42) Главный предмет, на который нужно обратить внимание, есть мертвые души, которые, **впрочем**, черт его знает, что значат. (98)
- 43) ...Носились слухи, будто при повинной голове они приложили по четыре государственных каждый; **впрочем**, дело слишком темное. (99)
- 44) **Впрочем**, собравшееся ныне совещание было совершенно другого рода: оно образовалось вследствие необходимости. (101)
- 45) Да ведь это, **впрочем**, если рассказать, выйдет презанимательная для какого-нибудь писателя в некотором роде целая поэма. (Почтмейстер, 102)
- 46) Конечно, поверить этому чиновники не поверили, а, **впрочем**, призадумались. (105)
- 47) Это, по-моему, совершенно невинное достоинство приобрело, **однако ж**, ему много уважения со стороны трактирного слуги. (3)
- 48) И ты, **однако ж**, хорош, не надоело тебе сорок раз повторять одно и то же. (Селифан Чичикову, 8)
- 49) Но как ни прискорбно то и другое, а все, **однако ж**, нужно возвратиться к герою. (8)
- 50) Дождь, **однако же**, казалось, зарядил надолго. (19)
- 51) Но, **однако ж**, обратимся к действующим лицам. (20)
- 52) Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, **однако же**, с большею свободой. (23)
- 53) Ну, **однако ж**, признайтесь, почему продали мед? (Чичиков Коробочке, 25)
- 54) Плут, **однако ж**, ужасный. (Ноздрёв Чичикову, 33)
- 55) Ты, **однако ж**, не сделал того, что я тебе говорил. (Ноздрёв Порфирию, 34)
- 56) За детьми, **однако ж**, присматривала смазливая нянька. (35)
- 57) А потом, **однако ж**, тут же, пред вашими глазами, и нагадит вам...(35)

58) ...Два человека с трудом вытаскивали штуку, в чем, **однако ж**, родственник не преминул усомниться. (36)

59) Чичиков заметил, **однако же**, как-то вскользь, что самому себе он не много прибавлял. (38)

60) Несмотря, **однако ж**, на такую размолвку, гость и хозяин поужинали вместе, хотя на этот раз не стояло на столе никаких вин с затейливыми именами. (42)

61) Не хочу! – сказал Чичиков и поднес, **однако ж**, обе руки на всякий случай поближе к лицу, ибо дело становилось в самом деле жарко. (44)

62) Герой наш трухнул, **однако ж**, порядком. (45)

63) На такую сумятицу успели, **однако ж**, собраться мужики. (46)

64) Скоро, **однако ж**, показавшаяся деревня Собакевича рассеяла его мысли. (47)

65) Но позвольте, **однако же**, заметить: поступки его совершенно не такие, напротив, скорее даже мягкости в нем много (Чичиков Собакевичу, 49)

66-67) Ревизские души, окончивши жизненное поприще, числятся, **однако ж**, до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми и что, **однако же**, она бывает отчасти тягостна для многих владельцев. (Чичиков, 51)

68) А какая бы, **однако ж**, ваша цена? (Собакевич Чичикову, 52)

69) Чичиков открыл рот, с тем чтобы заметить, что Михеева, **однако же**, давно нет на свете. (52)

70) ...От которого знает, что не услышит ни ответа, но на которого, **однако ж**, так устремит взгляд, как будто призывает его в посредники. (53)

71) Он не заметил, как въехал в средину обширного села со множеством изб и улиц. Скоро, **однако же**, дал заметить ему это препорядочный толчок, произведенный бревенчатою мостовою. (57)

72) Плюшкин, **однако же**, ее простил и даже дал маленькому внуку поиграть какую-то пуговицу. (61)

73) При всем том он, **однако ж**, не мог скрыть своей радости. (64)

74) Мне кажется, **однако ж**, вы бы тоже повалили медведя. (Председатель Собакевичу, 75)

75) Мнения были всякого рода: были такие, которые уже чересчур отзывались военною жестокостью и строгостию; были, **однако же**, и такие, которые дышали кротостию. (80)

76) Все эти толки и рассуждения произвели, **однако ж**, самые благоприятные следствия. (80)

77) Любопытно бы, **однако ж**, знать, кто бы такая была писавшая! (Чичиков, 83)

- 78) Которая, **однако же**, сочинительница письма? (Чичиков, 84)
- 79) Это, **однако же**, никак не уменьшило веселого расположения духа. (85)
- 80) ...Блондинка стала зевать во время рассказов нашего героя. Герой, **однако же**, совсем этого не замечал, рассказывая множество приятных вещей... (88)
- 81) На себя, **однако же**, он не рассердился, и в том, конечно, был прав. (91)
- 82) Прасковья Федоровна, **однако же**, находит, что лучше, если бы клеточки были помельче. (Приятная даме приятной во всех отношениях, 93)
- 83) Это, **однако ж**, странно. (Приятная во всех отношениях дама просто приятной даме, 95)
- 84) Но, **однако ж**, я бы все хотела знать, какие ваши насчет этого мысли? (Приятная во всех отношениях дама просто приятной даме, 95)
- 85) Да, **однако же**, нашлись некоторые дамы, которые были равнодушны к нему. (Приятная во всех отношениях дама просто приятной даме, 97)
- 86) Я не могу, **однако же**, понять только того, как Чичиков, будучи человек заезжий, мог решиться на такой отважный пассаж. (Просто приятная даме приятной во всех отношениях, 97)
- 87) Господа чиновники прибегнули еще к одному средству, не весьма благородному, но которое, **однако же**, иногда употребляется. (100)
- 88) Они наверное никак не знают, что такое Чичиков, а что, **однако же**, Чичиков что-нибудь да должен быть непременно. (100)
- 89) Скоро, **однако же**, спохватились, заметив, что воображение их уже чересчур рысисто и что все это не то. (106)
- 90) Но это, **однако ж**, несообразно! это несогласно ни с чем! это невозможно, чтобы чиновники так могли сами напугать себя. (108)
- 91) Ничто, **однако же**, не случилось так, как предполагал Чичиков. (110)
- 92) Это, **однако ж**, хорошо, что встретились похороны; говорят, значит счастье, если встретишь покойника. (Чичиков, 112)
- 93) Нельзя, **однако же**, сказать, чтобы природа героя нашего была так сурова и черства..., чтобы он не знал ни жалости, ни сострадания. (116)
- 94) Он был в горе, в досаде,... и, **однако же**, не мог отказаться от новых попыток. (122)
- 95) Эти, **напротив того**, косились и пяtilись от дам и посматривали только по сторонам. (5)
- 96) **Напротив**, я бы почел с своей стороны за величайшее... (Чичиков Манилову, 13)

97) ...Но ничего не было видно такого, **напротив**, лицо даже казалось степеннее обыкновенного. (16)

98) <...> вовсе не почитал себя вашим неприятелем; **напротив**, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вновь по-дружески. (36)

99) <...> крепость, на которую он шел, никак не была похожа на неприступную. **Напротив**, крепость чувствовала такой страх, что душа ее спряталась в самые пятки. (44)

100) ...Поступки его совершенно не такие, **напротив**, скорее даже мягкости в нем много. (Чичиков Собакевичу, 49)

101) Ключница по крайней мере не бреет бороды, а этот, **напротив** того, брил, и, казалось, довольно редко. (59)

102) Ну, батюшка, **воля ваша**, хоть по две копейки пристегните. (Плюшкин Чичикову, 66)

103) Но только, **воля ваша**, здесь не мертвые души, здесь скрывается что-то другое. (Приятная во всех отношениях дама просто приятной даме, 95)

104) Все-таки, **как бы то ни было**, человек знакомый..., а поступил как бы совершенно чужой. (Чичиков о Собакевиче, 54)

105) **Как бы то ни было**, цель человека все еще не определена, если он не стал наконец твердой стопой на прочное основание. (Чичиков председателю, 76)

106) <...> много бы можно сделать разных запросов. Зачем, **например**, глупо и без толку готовится на кухне? <...> (11)

107) Вот как, **например**, теперь, когда случай мне доставил счастье, можно сказать образцовое, говорить с вами. (Манилов Чичикову, 13)

108) А как, **например**, числом? (Чичиков Манилову, 15)

109) Положим, **например**, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве... (23)

110) Иной, **например**, даже человек в чинах, с благородною наружностью, <...> смотришь, тут же, пред вашими глазами, и нагадит вам. (35)

111) Это его продовольство: что, **примером**, нам кошт, то для него овес. (Селифан, 45)

112) А, **например**, как же цена? (Чичиков Собакевичу, 52)

113) Вы рассмотрите: вот, **например**, каретник Михеев! (Собакевич Чичикову, 52)

114) Так нельзя ли, **например**, кончить дело сегодня! (Чичиков Ивану Антоновичу, 74)

115) Одни глаза их такое бесконечное государство <...> Ну попробуй, **например**, рассказать один блеск их... (Чичиков, 85)

116) ...Искал на ком бы выместить свою досаду, **например** на слуге, на чиновнике... на жене или, наконец, на стуле. (91)

117) Французский язык... фортепьяно... и, **наконец**, собственно хозяйственная часть. (11)

118) Он был в разных видах: в картузах и в табачнице, и, **наконец**, насыпан был просто кучею на столе. (14)

119) Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки <...> и далее, **наконец**, бог знает что такое, чего уже он и сам никак не мог разобрать. (18)

120) ...Промеж них звенел, как почтовый звонок, неугомонный дискант, вероятно молодого щенка, и все это, **наконец**, повершал бас. (21)

121) <...> пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник, <...> скрестившиеся листья и сучья, и, **наконец**, молодая ветвь клена... (58)

122) Ему не собрать народных рукоплесканий, ему не зреть признательных слез, <...> ему не избежать, **наконец**, от современного суда <...> (69)

123) <...> две-три извозчичьи биржи и, **наконец**, длинные заборы с известными заборными надписями и рисунками. (72)

124) Смеются вдвое в ответ на это обступившие его приближенные чиновники; <...> и, **наконец**, стоящий далеко у дверей у самого выхода какой-нибудь полицейский <...> (84)

125) Искал на ком бы выместить свою досаду, например на слуге, на чиновнике... на жене или, **наконец**, на стуле. (91)

126) **С одной стороны**, чтоб дать отдохнуть лошадям, **а с другой стороны**, чтоб и самому несколько закусить и подкрепиться. (30)

127) **С одной стороны**, останавливает его неограниченное почтение к супругам сановников, **а с другой стороны**...просто трудно. (81)

128) **Итак**, вот что на первый раз можно сказать о Петрушке. (8)

129) **Итак**, отдавши нужные приказания еще с вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись с ног до головы мокрою губкой... (8)

130) **Итак**, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать. (Чичиков Манилову, 16)

131) **Итак**, если нет препятствий, то с богом можно бы приступить к совершению купчей крепости. (Чичиков Манилову, 16)

132) **Итак**, вот какого рода помещик стоял перед Чичиковым! (63)

133) **Итак**, почему ж не дать бы мне по пятисот рублей за душу, но... состоянья нет. (Чичиков Плюшкину, 66)

134) **Итак**, остается теперь только вспрыснуть покупочку. (Председатель Чичикову, 77)

135-136) **Итак**, вот что можно сказать о дамах города N., говоря поповерхностней. **Итак**, ограничься поверхностью, будем продолжать.(82)

137) <...> никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму. **Итак**, станем продолжать по-русски. (94)

138) Вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит: «Ведь я тоже человек, **стало быть**, я тоже глуп».

139) Что ж за вздор, в самом деле, разнесли по городу? Однако ж разнесли, **стало быть**, была же какая-нибудь причина? (99)

140-141) Дробяжкин же человек мертвый, **стало быть**, ему немного в том проку, если бы даже он и выиграл дело, а мужики были еще живы, **стало быть**, для них весьма важно решение в их пользу. (Городские чиновники, 101)

142-144) <...> и когда вспомнили при этом, что он даже выразился, будто имел много неприятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще более: **стало быть**, жизнь его была в опасности, **стало быть**, его преследовали, **стало быть**, он ведь сделал же что-нибудь такое... (Городские чиновники, 101)

145) Не о каких-либо бедных или посторонних шло дело, дело касалось всякого чиновника лично, дело касалось беды, всем равно грозившей; **стало быть**, поневоле тут должно быть единоедушнее, теснее. (103)

146) Но так как все же он был человек военный, **стало быть**, не знал всех тонкостей гражданских проделок... (121)

147) По пяти копеек, извольте, готов прибавить, чтобы каждая душа обошлась, **таким образом**, в тридцать копеек. (Чичиков Плюшкину, 66)

148) **Таким образом**, уже на прокурорских дрожках доехал он к себе в гостиницу. (79)

Отзыв
о бакалаврской работе Кликушина Сергея Сергеевича
«Особенности функционирования вводных конструкций
в поэме Н. В. Гоголя “Мёртвые души”»

Как синтаксическое явление вводные конструкции имеют определённое место в структуре предложения и текста, являясь при этом средством реализации таких важнейших текстовых категорий, как информативность, связность, модальность и др.

Выпускная квалификационная работа Кликушина Сергея Сергеевича, таким образом, посвящена одной из актуальных проблем современного русского языка – исследованию вводных слов и сочетаний, функционирующих в тексте художественного произведения (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»).

В выпускной квалификационной работе рассмотрено назначение вводных конструкций и положение их в структуре предложения и текста, а также роль в оформлении высказывания в речи. Большое внимание уделено спорным вопросам, касающимся грамматической природы данных явлений, их места в синтаксической системе русского языка.

Кликушин Сергей Сергеевич проделал большую работу по выборке вводных слов и сочетаний, функционирующих в тексте поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» (оформляющих следствие-вывод из сказанного; вводящих в текст определённое уточнение к вышеизложенному; противопоставляющих одно сообщение другому; обобщающих содержание высказывания; присоединяющих или добавляющих к основному содержанию информацию выделения); грамотно осветил вопрос, связанный с особенностями функционирования вводных компонентов в художественном произведении.

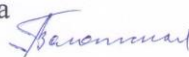
В выпускной квалификационной работе Кликушина Сергея Сергеевича умело анализируются и систематизируются результаты, полученные в ходе исследования. Достаточно большой объём фактического материала для анализа и опора на авторитетную теоретическую базу показывает, что студент изучил перечисленные в библиографическом списке работы, осмыслил их и сумел использовать в исследовании, что определяет степень самостоятельности выпускника, полноту раскрытия им темы, верифицированность результатов исследования.

Выпускная квалификационная работа Кликушина Сергея Сергеевича отличается логичностью изложения, материалы данной работы могут быть использованы на занятиях по русскому языку и литературе в школе.

Выпускная квалификационная работа стандартно оформлена.

Бакалаврская работа Кликушина Сергея Сергеевича выполнена на высоком научно-теоретическом уровне, отвечает требованиям, предъявляемым к выпускным квалификационным работам, и заслуживает оценки «отлично».

Руководитель – к. п. н., доцент
кафедры «Русский язык и методика
преподавания русского языка»

Болотская М. П.

Протокол

проверки на оригинальность в системе «Антиплагиат ВУЗ» ВКР на тему
**«Особенности функционирования вводных конструкций в поэме
Н. В. Гоголя «Мёртвые души»»** студента 5 курса направления подготовки
44.03.01 Педагогическое образование (профиль – «Русский язык»)
Кликушина Сергея Сергеевича.

Руководитель ВКР – к. пед. н., доцент Болотская М. П.

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: Кликушин Сергей Сергеевич casnikoski@gmail.com / ID: 2416
Проверяющий: Лунина Марина Геннадьевна luninayam@mail.ru / ID: 139
Организация: Пензенский государственный университет
Отчет представлен сервисом «Антиплагиат»- <http://vuzgu.antiplagiat.ru>

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 203
Начало загрузки: 08.06.2020 09:02:53
Длительность загрузки: 00:00:15
Имя исходного файла: ВКР_Кликушин
S.C.docx
Название документа: ВКР_Кликушин
S.C.docx
Размер текста: 1 кБ
Тип документа: Выпускная
квалификационная работа
Символов в тексте: 151981
Слов в тексте: 19167
Число предложений: 1215

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
Начало проверки: 08.06.2020 09:07:56
Длительность проверки: 00:01:25
Комментарий: не указано
Модули поиска: Модуль поиска "ПГУ", Модуль поиска общепотребительных
выражений, Диссертации и авторефераты НББ, Коллекция РГБ, Цитирование,
Модуль поиска "Интернет Плюс", Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU,
Коллекция eLIBRARY.RU, Модуль поиска перефразирований Интернет, Колесо
вузов, Сводная коллекция ЭБС, Модуль поиска переводных заимствований, Модуль
выделения библиографических записей, Модуль поиска ИПС "Аудлет", Модуль
поиска переводных заимствований по eLibrary (EnRu), Модуль поиска переводных
заимствований по интернет (EnRu), Коллекция ГАРАНТ, Коллекция Патенты

ЗАИМСТВОВАНИЯ
23,09%

САМОЗАИМСТВОВАНИЯ
0%

ЦИТИРОВАНИЯ
8,62%

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ
67,89%

«09» июня 2020 г.

М. П. Болотская